

И.А. Виноградов (Москва, Россия)

**«Романтик» Поприщин:
История замысла повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего». Часть 2**

Аннотация: Статья посвящена изучению замысла одного из наиболее сложных в интерпретации произведений Н.В. Гоголя, «петербургской» повести «Записки сумасшедшего». Сочетание в дневнике сходящего с ума героя стихии безумия, комизма, романтического алогизма, авторской иронии, сатиры и высокого трагического пафоса придает этому произведению характер художественной загадки, решение которой возможно лишь с помощью последовательного комплексного подхода. Детально рассматриваются многочисленные реминисценции в произведении образов мировой литературы, современной Гоголю журналистики и художественной словесности. Обобщаются многолетние наблюдения исследователей над поэтикой гоголевской повести. Устанавливается связь «Записок сумасшедшего» с поэмой «Мертвые души» и «Размышлениями о Божественной Литургии». Подробно исследуется развернутая в повести полемика Гоголя с европейским романтизмом. Игровой «духовности» романтиков, оставляющей человека на произвол воображения и субъективных мнений, Гоголь противопоставляет подлинно духовное понимание жизни, основанное на Священном Писании и церковном предании. Статья является продолжением, на новом материале, исследовательской работы, начатой в 2022 г., – «Немецкий романтик В.Г. Вакенродер и XX век: художественное предвидение Н.В. Гоголя» (напечатано в сборнике ИМЛИ РАН «Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность»). Предпринята попытка представить целостную концепцию произведения и широкий спектр плодотворной исследовательской мысли в его истолковании. Работа состоит из пятнадцати разделов: 1. Проблемы интерпретации повести; 2. Предыстория и история создания «Записок сумасшедшего»; 3. «Душевный город» «Записок...»; 4. Праздность, взяточничество, угроза «распеканья»; 5. Диктат моды, волокитство; 6. Пренебрежение духовным возрастом; 7. Тщеславие и возможность покаяния; 8. От «Записок сумасшедшего» к «Мертвым душам» и «Размышлениям о Божественной Литургии»; 9. Псевдокультура; 10. «Донкишотство»; 11. Сервантес и Ариосто; 12. Круг романтизма: поэзия, политика, философия, мистика; 13. «Записки сумасшедшего» и романтическое безумие; 14. Поприщин и музыка; 15. «Народное богословие». В настоящей публикации представлены заключительные четыре раздела. Одиннадцать предыдущих напечатаны в № 3(65) журнала за 2024 г.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, биография, творчество, религиозно-политические взгляды, обличение, сатира, авторский замысел, интерпретации, безумие, романтизм, культурология, духовное наследие

**“Romantic” Poprishchin:
History of the Concept of N.V. Gogol the Story “Diary of a Madman”. Part 2**

Abstract: The paper deals with the idea of N.V. Gogol’s “St. Petersburg” story “Notes of a Madman”. Numerous reminiscences of images from world literature, journalism and fiction of that period are examined in detail. Long-term studying on the poetics of Gogol’s story are summarized. The connection between “Notes of a Madman” and the poem “Dead Souls” and “Reflections on the Divine Liturgy” is established. Gogol’s polemic with European romanticism in is explored circumstantially. The article is a continuation, based on new material, of a research work begun in 2022 – “German romantic V.G. Wackenroder and the 20th century: artistic foresight N.V. Gogol” (published in the collection of the IWL RAS “Literary Process in Russia in the 18th–19th centuries. Secular and Spiritual literature”). An attempt has been made to present a holistic concept of the work and a wide range of fruitful research thoughts in its interpretation. The work consists of the fifteen sections: 1. Problems of interpretation of the story; 2. Background and history of the creation of “Notes of a Madman”; 3. “Soulful City” “Notes...”; 4. Idleness, bribery, threat of “scolding”; 5. Diktat of fashion, red tape; 6. Neglect of spiritual growth; 7. Vanity and the possibility of repentance; 8. From “Notes of a Madman” to “Dead Souls” and “Reflections on the Divine Liturgy”; 9. Pseudoculture; 10. “Donquixoticism”; 11. Cervantes and Ariosto; 12. The circle of romanticism: poetry, politics, philosophy, mysticism; 13. “Notes of a Madman” and romantic madness; 14. Poprishchin and music; 15. “Popular theology”. This publication presents the final four sections. The previous eleven were published in issue 3(65) of the magazine for 2024.

Key words: Nikolai Gogol, biography, creativity, religious and political views, exposure, satire, author’s intention, emotional, madness, romanticism, cultural studies, spiritual heritage

**12. КРУГ РОМАНТИЗМА:
ПОЭЗИЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФИЯ, МИСТИКА**

Характеристике примитивных, мнимодуховных литературных интересов Поприщина служит также запись в дневнике сумасшедшего о том, как он переписал для себя «очень хорошие стишки: “Душеньки часок не видя, Думал, год уж не видал; Жизнь мою возненавидя, Лъзя ли жить мне, я сказал”». Герой при этом высказывает догадку: «Должно быть, Пушкина сочинение» (III/IV, 161). На самом деле Поприщин переписал не «Пушкина сочинение», а строфу из стихотворения менее известного поэта-сентименталиста Н.П. Николева (1758–1815). В черновой редакции повести, вместо стихотворения о «душеньке» Поприщин приводил строки другого стихотворного произведения – романса Ю.А. Нелединского-Мелецкого (1751–1828) «На то ль, чтобы печали...»¹: «...переписал хороший стишок: На то ль, чтобы в печали нам время проводить, нам боги сердце дали» [Гоголь 1937–1952. 3: 557].

Как указал в 1889 г. Н.С. Тихонравов [Тихонравов: 613], «стишок» «На то ль чтобы в печали...» находится в т. 7 «Полного новейшего песенника», изданного в 1835 г. И.Г. Гурьяновым [Гурьянов: 8] (книга вышла в свет уже после создания «Записок сумасшедшего»). Следует уточнить, что оба стихотворения, остановившие

¹ Авторство стихотворения установлено: [Жидкова: 91–92].

внимание Поприщина (в черновой и окончательной редакциях повести), напечатаны, без указания авторства, в «Новейшем Российском всеобщем песеннике...» 1803 г. и в «Новейшем всеобщем и полном песеннике...» 1819 г.: «На толь, чтобы печали / В любви нам находить, / Нам боги сердце дали / Способное любить?»; «Душеньки часок не видя – / Думал, год уж не видал / Жизнь мою возненавидя, / Жизнь прости на век, сказал»¹ [Новейший Российский всеобщий песенник: 6, 16; Новейший всеобщий и полный песенник. 1: 174, 133]. Вероятно, при создании «Записок сумасшедшего» Гоголь подразумевал одно из этих изданий – предположительно, второе, где в том же разделе «Песни любовные и нежные» встречается еще один романс, к которому обращался Гоголь. При создании «Мертвых душ» в любовном послании неизвестной дамы к Чичикову он упомянул стихотворение Н.М. Карамзина «Доволен я судьбою...», которое тоже содержится во втором песеннике [Новейший всеобщий и полный песенник. 1: 112]. Из этого же собрания, из раздела «Песни театральные», Гоголь, по-видимому, процитировал и «известную песню», которую распевают карточные шулеры в «Игроках»: «Мы тебя любим сердечно, / Будь ты начальник наш вечно!» (III/IV, 395) [Новейший всеобщий и полный песенник. 5: 7].

В переписке собачек встречается еще несколько упоминаний о мнимо значительной литературе, составляющей круг интересов и определяющей само мировоззрение героя. «Романтическую» собачью переписку Поприщин сопровождает комментариями: «Подлинно справедливо сказал какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь» (III/IV, 168); «Мне кажется, что разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете». («Гм! мысль почерпнута из одного сочинения, переведенного с немецкого. Названия не припомню»; III/IV, 165.) В черновой редакции повести по поводу сочинения уточнялось: «...переведенного с немецкого Лабзиным» [Гоголь 1937–1952. 3: 361].

Упоминание о А.Ф. Лабзине – известном издателе масонской литературы – прямо перекликается с замечанием Поприщина о масонстве его «душевного двойника» – начальника департамента: «...это масон, непременно масон, <...> [прикидывается мартинистом] прикидывается таким и эдаким, я тотчас заметил, что он масон...» [Гоголь 1937–1952. 3: 206, 565], – а также с упоминанием героя о том, что «Великий инквизитор <...> действует <...> как орудие англичанина» (III/IV, 176) (что, вероятно, тоже включает в себе намек на масонство – конкретно, на одну из высших масонских степеней – Великий инквизитор, или, полнее, Великий инспектор инквизитор командор). (О негативном отношении Гоголя к масонству, многократно им обличаемому, см.: [Виноградов 2022а: 93–95].)

Образ начальника Поприщина – «государственного человека», «масона»-«мартиниста», мечтающего об ордене, упоминание об «арендах», которых жаждут мнимые «патриоты», «отцы-христопродавцы» (III/IV, 172), обращает к упомянутой сатире А.Ф. Воейкова «Дом сумасшедших» (известной Гоголю с начала 1830-х гг.). Характеризуя бывшего масона, сотрудника М.М. Сперанского М.Л. Магницкого (ставшего впоследствии ультраконсерватором), Воейков писал: «Я за орден – христианин, / Я за землю – мартинист, / Я за деньги – мусульманин, / За аренду – атеист» [Поэты...: 294]. В содержании повести отзывается также другая строфа сатиры Воейкова: «Тут – один желает трона, / А другой – владеть луной, / Тут – портрет

¹ Искажение: «Лъзя ли жить мне, я сказал», в стихотворении Н.П. Николева, – вместо: «Жизнь прости на век, сказал», – объясняется, по-видимому, тем, что Гоголь «пародирует неуклюжий слог старого поэта-классика» [Дилакторская 1995b: 290].

Наполеона / Намалеван как живой» [Поэты...: 794] [Денисов: 479–480]. Тема Наполеона также присутствует в повести: «Миф о французском императоре, подчинившем себе половину мира, переворачивает сознание обывателя. Романтическое стремление доказать свое право притязать на многое оборачивается болезненным искажением границ сознания личности» [Изотова: 59].

Раздраженная фраза Поприщина по поводу рассуждений Меджи о ее мохнатых «куртизанах»: «Мне подавайте человека! Я хочу видеть человека...» (III/IV, 167), – является, по наблюдению исследователя, «шиллеровской» [Шульц 2002: 112]. Она перекликается с восклицаниями короля Филиппа II в «Дон Карлосе» Шиллера, обращенными к Великому Инквизитору: «Я человека обрести желал...» [Шиллер 1833: 373]; и к Богу: «...Даруй лишь человека мне... <...> ...Лишь человеком награди меня!» [Шиллер 1833: 177] (курсив в источнике. – И.В.). (Экзальтированное восклицание героя, желающего «услаждать душу» «[духовной] пищей» [Гоголь 1937–1952. 3: 204, 563] – читать о «человеке», вместо «пустяков» и «дряни» о собачках (III/IV, 167), – отзывается также в характеристике Шиллера в гоголевских «Петербургских записках 1836 года»: «О <...> ты, благородный, пламенный Шиллер, в таком поэтическом свете выказавший достоинство человека...»; VII, 516.)

По предположению С.Л. Козлова, в словах собачки (тоже из «немецкого» источника): «...разделять мысли, чувства и впечатления с другим есть одно из первых благ на свете», – пересказывается начальная фраза статьи отставного офицера П.А. Габбе «О способности говорить и молчаливости», напечатанной в 1825 г. в «Московском Телеграфе» [Габбе]. Статья начинается с эпитафии – на немецком языке, тоже из Шиллера (из сочинения «О необходимых пределах применения художественных форм» 1795 г.): «An dem Denken selbst ligt, in den meisten Fällen mehr; als dem Gedanken. – Шиллер» [Габбе: 419] (перевод: «В большинстве случаев мышление – это нечто большее, чем сама мысль»; нем.). Далее в публикации следует фраза: «Способность сообщать другому свои мысли и чувства есть без сомнения один из путей к счастью» [Габбе: 419] [Козлов: 12]. Судьба Габбе, сошедшего с ума и высланного за границу, напоминает описанную Гоголем в повести. В 1833 г. Габбе, причастный ранее к делу декабристов, лишился рассудка, влюбившись в жену новороссийского и бессарабского генерал-губернатора князя М.С. Воронцова и вообразив себя отпрыском русских царей. Возможно, с очерком Габбе связано и пятикратное восклицание Поприщина по поводу его страсти к генеральской дочке: «Ничего, ничего, молчание!» По словам Габбе, «молчаливость бывает иногда следствием страсти, чрез меру сильной для обнаружения» [Габбе: 412].

Обращает внимание Гоголь и на суеверие героя, подменяющего настоящую веру новейшими предрассудками и псевдонаучными «открытиями» (включая говорящих рыб и коров). Соответственно «государственный человек» и «масон» начальник Поприщина в чаянии ордена занимается, подобно герою ранней гоголевской повести Ивану Федоровичу Шпоньке, гаданием: «Возьмет в одну руку бумажку, другую сложит пустую и говорит: получу или не получу?» (III/IV, 166). Его соответствующий «гадательный» вопрос к собачке: «Как ты думаешь, Меджи? получу или не получу?», – и «ответ» Меджи: «Я <...> понюхала его сапог и ушла прочь» (III/IV, 166), – прямо отзываются в позднейшей реплике суеверного Городничего в «Ревизоре» (в первой редакции), который рассказывает о своем «пророческом», вещем сне в руку: «...Сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. <...> ...Пришли, понюхали – и пошли прочь» (VII, 380) [Светлакова: 434].

Гадающему на бумажках и на собаке «значительному» двойнику Поприщина (ожидающему от Меджи какого-то «говорящего знака») соответствуют запись героя в дневнике, что «в Англии выплыла рыба, которая сказала два слова на таком странном языке, что ученые уже три года стараются определить и еще до сих пор ничего не открыли» (III/IV, 159). В этой записи тоже сказались, по замыслу Гоголя, не какая-то случайная, нелепая черта безумного героя, но нашло отражение сумасшествие мира, в котором он обитает. Известна лубочная картинка с изображением пойманного в 1739 г. в Испании «чудища морского или так называемого водяного мужика» и упоминание о подобном морском «чудовище» у Л. Тика [Дерюгина 2009b: 879]. В записи о говорящей рыбе, возможно, подразумевалось соответствующее сообщение «Северной Пчелы» от 29 августа 1834 г.: «Недавно в Valérie sur Somme поймана рыба, принадлежащая к числу тех, которые в древности назывались сиренами. Голова и грудь ее совершенно подобны женским, и когда рыба подымается из воды по пояс, то она издали довольно походит на женщину» [Смесь: 775] [Золотусский 1987: 161].

В числе новейших «открытий», которые заменяют Поприщину настоящую веру, – неожиданное «прозрение», что «завтра <...> земля сядет на луну» (III/IV, 174). Выдержанное в духе пророчеств западных мистиков, в частности, мasonicких предсказаний о конце света в 1836 г. (с этим связано создание Гоголем в конце 1835 г. сатирического «Ревизора»; см.: [Чижевский: 140; Виноградов 2000: 275–293; 2019с]), оно тоже определяется кругом чтения героя («Об этом и знаменитый английский химик Веллингтон пишет»; «химик» здесь – хитрец (см. об этом ниже). (Аналогией к «Ревизору», по высмеиванию легковерных обывателей, может служить уже упомянутая комедия Ш.О. Оноре и Г.М. Демерсана «Астрономические бредни, или Комета в 1832 году» с первоначальным названием «На другой день после преставления света».) В бредовой «апокалиптике» Поприщина сказались и тогдашние астрономические расчеты о возможном столкновении Земли и Луны и мнения целого ряда ученых об обитаемости Луны – И. Кеплера, У. Гершеля, П. Гассенди, И. Боде, И. Шрётера, Ф. фон Груйтуйзена (Гройтхойзена), К. Гаусса, Й. Литрова, В. Ольберса, Т. Дика, Р. Эмерсона. «Путешествие в Луну», к «селенитам», издавна было предметом художественного творчества; интерес к литературным произведениям на эту тему умножился в XVIII в. (Д. Дефо, С. Брант, В.А. Лёвшин, В.К. Кюхельбекер и др.). «Лунная» проблематика сказывается в «сумасшедшей» космогонической теории социалиста Ш. Фурье (о переселении людей на другие планеты) [Макогоненко 1985: 161–164; Дилакторская 1995а: 253–256]. Выше тоже упоминалось о балаганном представлении «Арлекин в луне», которое мог видеть Гоголь во время масленичных и пасхальных гуляний¹.

¹ В 1835 г. (т.е. уже *после* создания «Записок сумасшедшего») появилась газетная мистификация американского журналиста Р.А. Локка (1800–1871) (предпринятая ради увеличения тиража газетного издания) о мнимом открытии, будто бы сделанном английским астрономом Дж. Гершелем (сыном У. Гершеля). В августовских номерах газеты «New York Sun» сообщалось, что Дж. Гершель с помощью мощного телескопа обнаружил на луне атмосферу, животный и растительный мир и разумных существ, напоминающих людей. В европейской прессе разгорелась ожесточенная полемика по поводу «открытий» Гершеля. В русском переводе две брошюры об «открытии» Гершеля анонимного автора вышли в 1836 г. [Макогоненко 1985: 158–161]. Эту новость обсуждал в январе 1836 г. с Вас.И. Григоровичем художник А.Н. Мокрицкий, соученик Гоголя по Нежинской гимназии [Виноградов 2017–2018. 2: 475–476]. Как обман сразу воспринял эту мистификацию А.С. Пушкин. Е.А. Драшусова (в первом браке Карлгоф) вспоминала об обеде, устроенном 28 января 1836 г. ее мужем, В.И. Карлгофом, в честь Д.В. Давыдова (на обеде присутствовали школьные друзья Гоголя К.М. Базили и Н.В. Кукольник): «Много толковали о мнимом открытии обитаемости луны. Пушкин доказывал нелепость этой выдумки, считал ее за дерзкий пух, каким она впоследствии и оказалась, и подшучивал над легковерием тех, которые падки принимать за наличную монету всякую отважную выдумку» [Драшусова: 151].

Устойчивым, «сквозным» для гоголевских произведений является образ груды книг, являющих собой средоточие человеческих познаний, – и ярких, и «запыленных и погребенных, отмеченных силою и бессилием человеческих творений» (VII, 69). Этот мотив повторяется в «Записках сумасшедшего» в описании директорского кабинета, который «весь» «установлен шкафами с книгами» (III/IV, 160). «Несколько шкафов с книгами» упоминаются и в «Утре делового человека», в описании кабинета такого же, как герой «Записок...», важного начальника, – тоже занимающегося домашней собачкой: «Нацепляет ей на хвост бумажку» (III/IV, 405). (Сравнительно с «Записками сумасшедшего» в этих сценах разнятся лишь имена собачек – Зюзюшка и Меджи.) В «Записках сумасшедшего» подчеркивается, кроме того, преимущественно иностранный круг чтения чиновника: книги «всё или на французском, или на немецком» (III/IV, 160). Подобную библиотеку Гоголь более детально изобразил позднее в «книгохранилище» «сумасшедшего» помещика Кошкарева во втором томе «Мертвых душ» – «огромном зале, снизу доверху уставленном книгами», где «на всякой странице – проявление, развитие, абстракт, замкнутость и сомкнутость, и черт знает, чего там не было» (V, 304). – «...Всё <...> такая ученость, что нашему брату и приступа нет», – замечает в «Записках сумасшедшего» по поводу библиотеки начальника Поприщин. На деле знатный сановник, по подсказке Гоголя, своим интеллектуальным уровнем мало чем отличается от его «двойника» – переписчика Поприщина. Позднее, в статье «Близорукому писателю», Гоголь замечал: «Мысли твои о финансах основаны на чтенье иностранных книг да на английских журналах, а потому суть мертвые мысли. Стыдно тебе, будучи умным человеком, не войти до сих пор в собственный ум свой, который мог бы самобытно развиваться, а захламошить его чужеземным навозом» (VI, 134). (Критиком бесполезной литературы Гоголь выступал и тогда, когда в одной из рецензий на повесть неизвестного автора «Убийственная встреча» (СПб., 1836) – исполненную романтических банальностей и похвал новейшей французской литературе (а также повестям А.А. Бестужева (Марлинского) [Я.А. <криптоним>: 79–84]), лаконично замечал: «Эта книжечка вышла, стало быть, где-нибудь сидит же на белом свете и читатель ее» (VII, 493). Потребителем подобной литературы, судя по кругу чтения и менталитету героя, вполне мог быть Поприщин.)

Значительными для содержания «Записок сумасшедшего» стали, по наблюдению исследователей, размышления Гоголя о трагической судьбе поэта-романтика К.Н. Батюшкова [Шульц 2001: 58; 2002: 111; Кузнецов 2002: 90–95; Фаустов; Савинков, Фаустов: 292]. В 1820-х гг. Батюшков впал в сумасшествие, страдая, до конца жизни, манией величия и преследования. Судьба больного поэта была небезразлична для русского общества, тем более для литераторов, близких Гоголю [Дерюгина 2009b: 869]. Весной 1830 г. в Москве Батюшкова навещил, вместе с М.П. Погодиным, А.С. Пушкин [Тархова: 178, 543; Долдобанов, Макаров: 279]. Вспоминая об этом, Пушкин в 1833 г. написал стихотворение «Не дай мне Бог сойти с ума...» [Пушкин 1841: 129–130]. Позднее, 15 августа 1834 г., Батюшкова посетил, в Вологде, цензор и профессор Петербургского университета А.В. Никитенко. Батюшков, потерявший рассудок, говорил тогда Никитенко, как и гоголевский Поприщин, «страшный вздор о том, что у него заключен какой-то союз с Англией, Европой, Азией и Америкой» [Никитенко: 158]. К началу сентября 1834 г. – к началу университетских лекций – Никитенко должен был вернуться в Петербург и, возможно, рассказал тогда Гоголю о своем визите к Батюшкову [Де-

рюгина 2009b: 874–875]. Именно концом августа – сентябрем 1834 г. датируется, на основании гоголевского автографа, работа над повестью.

Кроме того, в 1834 г. стараниями близких к Батюшкову лиц в Петербурге вышло в свет второе издание «Сочинений в прозе и стихах Константина Батюшкова» [Батюшков 1834]. Цензором этого издания был тот же Никитенко (первое издание было напечатано в 1817 г.; цензурное разрешение второго дано 19 октября 1833 г.).

В 1852 г. Н.И. Билевич, соученик Гоголя по Нежинской гимназии, рассказывал С.П. Шевыреву, что на Гоголя «из писателей первоначально имел <...> влияние Боккаччио» [Виноградов 2007, с. 78; Виноградов 2017–2018. 1: 613]. Два перевода из «Декамерона» Дж. Боккаччо, которые могли быть известны Гоголю с юности, «Моровая язва во Флоренции» и «Гризельда», принадлежат именно Батюшкову [Виноградов 2017–2018. 1: 613].

Пушкин отмечал также влияние на себя, Батюшкова, Вяземского, Давыдова и Боратынского «сластолюбивой» французской поэзии [Пушкин 1937–1959. 11: 496]. Гоголь в 1846 г. писал, что Батюшков «силился превратить» «все прекрасное <...> в осязательную негу наслажденья», «слышал <...> стихов и мыслей сладострастие» («В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность»; VI, 166). По словам Гоголя, поэт познакомил русскую публику с «Ариостом, Тассом, Петраркой, Парни и нежными отголосками древней Эллады» (VI, 166). Применительно к «Запискам сумасшедшего», – конкретно, к теме луны и безумия, – значимо то, что в статьях и письмах Батюшкова неоднократно упоминается об одной из песен переводимого им «Неистового Роланда» Л. Ариосто, где описывается путешествие сына Роланда Астольфа на луну¹. Эти высказывания Батюшкова содержатся в его статье «Вечер у Кантемира» («Все надежды ваши, может быть, и сбудутся, или вы найдете их в царстве Луны, с утраченными надеждами Астольфа»; [Батюшков 1989. 1: 60]; в письме к Н.И. Гнедичу от 29 декабря 1811 г. [Батюшков 1989. 2: 202]; в статье <Прогулка по Москве>: «Дурачься, смертных род! В луне рассудок твой!» [Батюшков 1989. 1: 291] и др. [Батюшков 1989. 2: 239] [Паламарчук 1990b: 428]. Соответствующая запись имеется в дневнике Поприщина: «...Человеческий мозг <...> приносится ветром со стороны Каспийского моря» (III/IV, 171).

Важное значение имеет и то, что строфа из Ариосто, переведенная Батюшковым: «Увы, мы носим все дурачества оковы. <...> Тот губит ум в любви, среди неги и забавы, / Тот, рыская в полях за дымом ратной славы...», с заключительной строкой: «В луне рассудок твой» [Батюшков 1989. 2: 202], – опосредованно, через соответствующую строфу в «Евгении Онегине» Пушкина («У всякого своя охота, / Своя любимая забота: / Кто целит уток из ружья...» [Пушкин 1828: 37]), имеет отношение к замыслу «Мертвых душ» («У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак...»; V, 25) [Лозинский 1937: 5; 2002: 137].

В одном из главных образов поэмы Гоголь в свою очередь подразумевал, в сниженном виде, характер погруженной в «очаровательную прелесть осязаемой сущности» поэзии Батюшкова (VI, 166). Свойство «прикрепленных <...> к земле и телу» (VI, 166) стихов поэта послужило ему «первоосновой» для изображения приземленной, в быту и мыслях, помещицы Коробочки в первом томе – единственного женского персонажа среди пяти главных героев-помещиков поэмы. (В качестве «прообразов» других помещиков тоже выступили для Гоголя

¹ О внимании Гоголя к наследию Л. Ариосто см. в предшествующем разделе наст. статьи.

русские поэты – Жуковский, Языков, Державин, Пушкин; подробнее об этом см.: [Виноградов 1995b: 22–25; 2017a; 2017b]). В этом отношении работу над «Записками сумасшедшего» тоже можно считать неким «подготовительным» этапом к созданию «Мертвых душ».

Согласно перечисленным реминисценциям, «рассудок» всего мира, поглощенного мирскими соблазнами, – «мозг» всех «мертвых душ» – оказывается, как у безумца Поприщина, «в луне», «подтверждая» тем самым слова св. апостола Павла, что «мудрость мира сего есть безумие (буйство) пред Богом» (1 Кор. 3, 19). В лунной теме повести, вероятно, сказалось и представление о лунатизме как одном из видов беснования, упоминаемым в Евангелии (Мф. 17, 15; 4, 24). Это представление определило не только освещение этой темы в «Записках сумасшедшего», но и описание совершающегося в ярком лунном свете полета бурсака с ведьмой в «Вии» (I/II, 422) и искушение в «вечно прекрасном» лунном сиянии ростовщиком-антихристом художника Черткова в «Портрете» (VII, 285).

Размышление о безумии человеческой пошлости, о близости ненормального, греховного состояния к смерти, Гоголь, кроме «Записок сумасшедшего», оставил в «Арабесках» в «Невском проспекте», где в уста героя-художника вложил замечание о судьбе очаровательной, похожей на «сновидение» падшей красавицы: «...Какая ужасная жизнь! Что пользы в том, что она живет? Разве жизнь *сумасшедшего* приятна его родственникам и друзьям, некогда его любившим?» (III/IV, 25; курсив мой. – *И.В.*).

Реплика художника Пискарева в «Невском проспекте» о «безумии» падшего человека, вероятно, в свою очередь имеет отношение к судьбе Батюшкова. 13 июля 1843 г. Ю.Н. Бартенев записал в дневнике: «...Батюшков <...> очень был, по собственным словам, не воздержан в отношении к женскому полу и просто искал одного лишь животного наслаждения. Это, по мнению доктора <П.И.> Ланга, <...> не одна ли из главнейших причин помешательства его...» [Бартенев: 574–575]. «Преизобилъе сладострастной роскоши» поэзии Батюшкова (как ее определяет Гоголь) получило, таким образом, значение «медицинского симптома» [Дерюгина 2009b: 873]. (Тем более странно, что лечить Батюшкова в 1832 г. близкие собирались, сведя его с женщиной [Тархова: 564].)

Описывая незнакомку из «отвратительного приюта», повествователь «Невского проспекта» подчеркивает, что ум и грех несовместимы: «Она <...> стала говорить что-то, но все это было так глупо, так пошло... Как будто вместе с непорочностью оставляет и ум человека» (III/IV, 17–18). Размышления в «Арабесках» о добродетели нормального, духовно здорового состояния, сравнительно с душевной болезнью и безумием греха, определяют также, кроме «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего», замечание в повести «Портрет» о том, как выглядит демонический мир, олицетворяемый ростовщиком-антихристом Петромихали. Рассказчик называет последнего «*сумасшествием* природы» (VII, 283; курсив мой. – *И.В.*). Над проблемой безумия как следствия прямой «одержимости бесами» (VII, 309) (Петромихали) Гоголь продолжил размышлять в «Портрете» и в образе сошедшего с ума художника, написавшего портрет демонического ростовщика и нарушившего тем самым гармонию в себе и искусстве. Во второй редакции «Портрета» эта тема получила завершение в заветном убеждении художника – добытом тяжелым опытом, – что «для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства» (III/IV, 115) (впоследствии эти размышления стали основой для статьи Гоголя «Искусство есть примирение с жизнью»; VI, 250–254).

В едином «душевном городе» «Записок сумасшедшего» воплощена, таким образом, мысль о неопределенности грани, отделяющей безумие отдельного лица от безумия окружающих его, казалось бы, «нормальных» лиц, от «сумасшествия» светского общества в целом, живущего вне христианских заповедей. Обращение Гоголя – обличителя общественных пороков – к жанру дневника сумасшедшего было в этом свете более чем оправданным. В 1902 г. И.А. Сикорский, указывая на исповедальный характер гоголевской повести, указывал, что обращение к жанру записок психически нездорового лица – личности, не вполне контролирующей свое состояние – «не придающей своим страстям прельщающего очарования, а порокам – обманчивой видимости», – дает возможность художнику представить «обычные» негативные душевные явления, т. е. «недостатки и тайные пороки чувства, ума, воли и стремлений, свойственные одинаково и душевнобольному и здоровому человеку», с большей откровенностью и выразительностью [Сикорский: 426, 428]. В целом эта общая причастность греху может служить объяснением и знаменитой реплике Городничего в финале «Ревизора»: «Чему смеетесь? – Над собою смеетесь!» (III/IV, 299).

Лунная тема в поэзии Батюшкова и сама судьба поэта-романтика, вероятно, послужили Гоголю отправной точкой для характеристики грезящего луной сумасшедшего Поприщина. По мнению А.Н. Кузнецова [Кузнецов 2002: 92], с содержанием «Неистового Роланда», переводимого Батюшковым, прямо связана и финальная фраза повести: «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» (III/IV, 176). Именно поражением в поединке с рыцарем алжирского правителя Родомонта поэма Ариосто заканчивается. Комизм гоголевской фразы позволяет в этом случае предположить, что под «шишкой» алжирского дея, лишённого власти Францией (правитель остался ни с чем, «с носом»), подразумевается «гугля», полученная от удара. Об этой шишке-«гугле» упоминает героиня «Старосветских помещиков» в своем «чудотворном» рецепте «на персиковых»: «Если <...>, вставая с кровати, ударится кто об угол шкапа или стола, и набезит на лбу гугля, то стоит только одну рюмочку выпить <...> – все как рукой снимет, как будто вовсе не бывало» (I/II, 292). В первоначальной редакции вместо алжирского дея упоминался французский король: «А знаете ли, что у французского короля шишка под самым носом?» [Гоголь 2003–2020. 3: 444]. Вероятно, и здесь Гоголь заключил намек на потерю власти. Французский король Карл X в результате Июльской революции 1830 г. (которую подразумевает Поприщин, упоминая о «Полинияке»¹) вынужден был покинуть страну [Изотова: 57].

В связи с одинаковыми «носологическими» неудачами французского короля и алжирского дея указано было на еще одного политика, современного тогдашней эпохе, оставшегося, как и они, «с носом», – а именно Наполеона после его неудавшегося похода в Россию. Соответствующий образ французского императора появился, в частности, среди лубочных картин на гравюре И.И. Тербенева «Нос, привезенный Н<аполеоно>м с собою из России в Париж». Здесь был изображен Наполеон «с огромным носом, покрытым бородавками», который жаловался докторам: «Вот какой нос приставили мне Русские! не знаю, как мне с ним показаться Парижской Публике. Нет ли средства укоротить его?» [Ровинский: 162]. Врачи при этом решали, отрезать нос или оставить на своем месте, объявив народу, по совету наполеоновского маршала Л.А. Бертье, что он «вырос от ранних морозов

¹ Об этом см. ниже.

и гололедицы» (намек, что причины своих неудач в России французы объясняли морозами) [Ровинский: 163].

(Вероятно, отсюда в гоголевской «носологии» берет начало немотивированное, «сумасшедшее» намерение петербургского ремесленника Шиллера в «Невском проспекте» отрезать себе нос [Изотова: 60–61]. Раздражение пьяного Шиллера против его собственного носа объясняется тем, что тот как бы унижает его «национальное достоинство», живя в России («у меня есть король в Германии»; III/IV, 32) и, к тому же, нюхая русский табак – «скверный» русский табак; III/IV, 32.)

«Химиком Веллингтоном», предсказывающим схождение Луны на Землю (III/IV, 174), Поприщин называет герцога Веллингтона (1769–1852), главнокомандующего англо-голландской армией в битве при Ватерлоо (1815); в 1834–1835 гг. – министра иностранных дел Англии. «Химиком» Веллингтон назван, очевидно, не в отношении к «химии», а по умению «химичить», или «химистить», «химостить» – похищать, красть, воровать [Даль. 4: 564] (ср. также: «охимистить» – очаровать, околдовать [Даль. 2: 799]) [Долгобородов: 23, 25]. Имя английского «химика»-дипломата оказывается тем самым в связи с «бестией Полиньяком» (III/IV, 175), французским государственным деятелем, ультраконсервативные, крайние действия которого спровоцировали в 1830 г. Июльскую революцию. Полиньяк, по словам Поприщина, постоянно «вредит» герою – испанскому королю – и «управляется» англичанином: «...Я знаю, <...> тебя водит англичанин. Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает» (III/IV, 175).

«Ринологическая» тема повести появляется в заключительных строках дневника Поприщина дважды. Кроме упоминания о «чихающей», по интригам Англии, Франции, тема «носа» возникает в характеристике псевдорелигиозных ценностей, которыми поглощен сходящий с ума герой. Несмотря на очевидный бред сумасшедшего в смиренном доме, нельзя не увидеть критический намек самого создателя повести – Гоголя – на псевдодуховную западную литературу, который содержится в словах Поприщина о том, что «луна <...> обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается»: «Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне. Он положил смоляной канат и часть деревянного масла; и оттого по всей земле вонь страшная, так что нужно затыкать нос» (III/IV, 174).

Позднее, 20 сентября (н. ст.) 1843 г., Гоголь, отвечая С.П. Шевыреву по поводу господства в современной журнальной литературе «гегелистов», «шел<л>ингистов» и других «истов» (XII, 268) (и указывая при этом на неприхотливость современных читателей, напоминающую невзыскательный вкус Поприщина), писал: «...Современная журнальная литература <...>. Это просто плоска, которая не только <...> плохо горит, но даже еще и воняет. Один предводитель дворянства, вскоре после 1814 года, дал бал своему дворянству. Внутренность зала ухитрился он осветить сальными плосками в совокупности с скипидарным маслом. То есть он более надеялся на неприхотливость гостей. Но однако ж гости чрез несколько времени заметили, что нестерпимо воняет – а уж куда были неприхотливы! – и предводитель приказал вынести плоски» (XII, 268–269).

Близкое сходство между образом «луны», делаемой «в Гамбурге» – из «смоляного каната» и «деревянного масла» (издающей при этом «по всей земле вонь страшную»), – и упомянутой в письме к Шевыреву 1843 г. литературной «плоски» с «скипидарным маслом» – «дымной» и «воняющей» журналистики «гегелистов»

и «шел<л>ингистов», очевидно. Общим для письма и повести является также образ разорительного европейского бала – кружасьего общественного «хоровода», об устройстве которого губернатором Демидовым Поприщин читает в «Северной Пчеле» и об учреждении которого «одним предводителем дворянства» упоминает Гоголь в письме к Шевыреву. Естественно предположить, что в строках послания к Шевыреву 1843 г., посвященных западнической журнальной литературе, Гоголь прямо подразумевал выразительные образы «Записок сумасшедшего».

Следует иметь в виду, что само создание в 1834–1836 гг. «петербургских» повестей Гоголя: «Невского проспекта», «Записок сумасшедшего», «Портрета», «Носа» – было связано с острым разочарованием писателя в «романтической» Германии, изображенной ранее в виде сказочного «Люненсдорфа» («лунной деревни») в юношеской поэме «Ганц Кюхельгартен» (VII, 22). Это разочарование Гоголь испытал во время своей первой поездки за границу в 1829 г. (заграничная прогулка продолжалась два месяца, с 26 июля по 22 сентября 1829 г. [Виноградов 2000: 207–274; 2001а; 2022с]). Гоголь доехал тогда именно до Гамбурга [Виноградов 2017–2018. 2: 40]. Позднее, во время второго заграничного путешествия, Гоголь писал матери из Гамбурга, что этот город – его «старинный знакомый» (письмо от 29 июня н. ст. 1836 г.; XI, 62). Спустя еще полтора года, 19 ноября (н. ст.) 1838 г., Гоголь обращался к М.П. Балабиной, своей бывшей ученице: «...Не спорю, иногда находит минута, когда хотелось бы из среды табачного дыма и немецкой кухни улететь на луну, сидя на фантастическом плаще немецкого студента... <...> Но я сомневаюсь, та ли теперь эта Германия, какую ее мы представляем себе. Не кажется ли она нам такую только в сказках Гофмана? Я по крайней мере в ней ничего не видел, кроме скучных табльдотов <...> и бесконечных толков о том, <...> в котором городе лучше едят; и та мысль, которую я носил в уме об этой чудной и фантастической Германии, исчезла, когда я увидел Германию в самом деле» (XI, 187). В письме к ней же от 30 мая (н. ст.) 1839 г. он еще раз замечал: «Опять я увижу эту подлую Германию, гадкую, запачканную и закопченную табачищем... <...> ...Как <...> вы <...> можете <...> думать о немецкой дымной путанице! И можно ли сказать, что всякий немец есть Шиллер?! Я согласен, что он Шиллер, но только тот Шиллер, о котором вы можете узнать, если будете когда-нибудь иметь терпение прочесть мою повесть “Невский проспект”» (XI, 234; курсив мой. – И.В.). (Подробнее о критике Гоголем «напыщенного» немецкого романтизма см.: [Виноградов 2022с].)

О «дымном надмении человеческой гордости» (свойственной герою «Записок сумасшедшего») Гоголь писал также в одном из «Четырех писем к разным лицам по поводу “Мертвых душ”» (VI, 87), в письме к А.А. Иванову от 4 февраля (н. ст.) 1847 г. (XIV, 59), в <Заметке «о значении прирожденных страстей» на полях заключительной главы первого тома «Мертвых душ» (М., 1842)> (VI, 258).

Если позднее – после 1829 г., т. е. после сожжения «Ганца Кюхельгартена» и первой поездки в Германию, – Гоголь и обращался подчас к образам романтической литературы, то делал он это исключительно с полемической целью, развенчивая представления романтиков. Эта принципиальная позиция писателя неточно определяется в литературе как ««пограничное» положение Гоголя между романтизмом и реализмом» [Иоскевич: 100], – так же, как противостояние Гоголя радикализму западничества и славянофильства неверно определяется как положение «между» двумя этими течениями (см. подробнее: [Виноградов 2019а; 2019б; 2021с]). Как отмечал Г.А. Гуковский, «разоблачение» Гоголем представителей романтизма (как невежд, не имеющих «никакого понятия <...> о луне», т. е. писа-

телей, некомпетентных в духовных вопросах) совершается «именно в произведениях, изображающих романтиков» [Гуковский: 344].

В письме к Балабиной, характеризуя «дымную» Германию, Гоголь употребляет еще более резкий образ – прямо перекликающийся с делаемой в Гамбурге «луной» с ее неблагоприятным запахом: «По мне, Германия есть не что другое, как самая неблагоприятная отрыжка гадчайшего табаку и мерзейшего пива» (XI, 234). – Этот последний «аргумент» – непосредственно к обонянию – в свою очередь напоминает гоголевское описание «немецких» реалий Петербурга: «Навстречу <...> купец в <...> немецкой работы сюртуке... <...> Боже, какую адскую струю они оставили после себя в воздухе из капусты и луку» («Дождь был продолжительный»; VII, 125); «Я терпеть не люблю капусты, запах которой валит из всех мелочных лавок в Мещанской; <...> из-под ворот каждого дома несет такой ад» («Записки сумасшедшего»; III/IV, 164). Закономерно, что и отмеченный возврат «европейца» Поприщина на родину, на тройке с колокольчиком, отзывается в строках статьи Гоголя «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о «возврате» нашей «славянской певучей природы» от западного театрального репертуара, где «как нарочно подносят *под нос* [неестествен<ное>] верх уродливо<сти>» [Гоголь 1937–1952. 8: 560; курсив мой. – И.В.], к отечественному – от «неистовых» пьес, «извержений романтизма», наполненных героями-«нехристями» [Гоголь 1937–1952. 8: 553, 560], к воплощенным на сцене «русским характерам» [Гоголь 1937–1952. 8: 560], с репликой к западным «образцам»: «Нет, погодите люди чужеземные, прежде [приоденьтесь] немного почище!» [Гоголь 1937–1952. 8: 557]¹.

Именно с романтизмом Гоголь связывал тот политический радикализм, о котором писал в 1836 г. в статье «Петербургская сцена...»². Говоря о политическом «сумасшествии», о ломке «романтизмом» сложившихся форм, Гоголь противопоставлял этому процессу приходящее ему на смену созидательное «здоровье», укрепление и последующее развитие, вследствие ломки, духовных ценностей – появление классического, уравновешенного писателя: «...Что такое романтизм? <...> Это <...> больше ничего, как стремление подвинуться ближе к нашему обществу... <...> Переход к этому стремлению, <...> первые <...> попытки производятся <...> людьми отчаянно дерзкими, какими производятся мятежи в обществах³. Они видят несвойственные формы, <...> ломаются напролом чрез все. Они <...> в обратном количестве наносят столько же зла. <...> Их имя не остается в числе чистых воспоминаний. Но они произрастили хаос, из которого потом великий творец спокойно и обдуманно творит новое... <...> ...Как только <...> выказывался талант великий, он уже обращал это романтическое, с великим вдохно-

¹ Полемический смысл в образе «гамбургской» луны в «Записках сумасшедшего» был отчасти угадан А.А. Косоруковым: «Планета Мечты была сделана в чужом государстве и не по национальной мерке... <...> ...Когда ее “делают” в Гамбурге, <...> получается нечто <...> неприятное. Нечто противоречащее естественной мечте землян, которые поэтому вынуждены оберегать себя от “хромой” мечты – “затыкать носы”» [Косоруков: 212]. Гоголь в 1851 г. говорил своему земляку О.М. Бодянскому о произведениях на украинском языке Т.Г. Шевченко: «Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши» [Виноградов 2017–2018. 7: 167]. Ф. Карл в 2010 г. по поводу «немецкой» луны тоже замечала: «...Гоголь здесь скрыто атакует немецкую романтику, разоблачая один из важнейших топосов, а именно луну, как неряшливо выполненную работу» [Карл: 244]. Еще ранее Ф.М. Достоевский в «Дневнике писателя» (1877) отмечал: «...Наш европеизм <...> – это все та же еще луна, которую делает все тот же самый <...> хромой бочар...» [Достоевский. 25: 38].

² См. раздел 10.

³ Сходным образом Гоголь характеризовал в 1834 г. в «Арабесках», в статье «Шлецер, Миллер и Гердер», роль «оппозиционного» гения историка А.Л. Шлецера (VII, 320).

венным спокойствием художника, в классическое, или, лучше сказать, в отчетливое, ясное, величественное создание» (VII, 503).

13. «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» И РОМАНТИЧЕСКОЕ БЕЗУМИЕ

В связи с очевидной критикой Гоголем романтического миропонимания в особом рассмотрении нуждается распространенное в литературе мнение, будто «Записки сумасшедшего» являются результатом влияния романтической литературы. Впервые такое мнение высказал еще при жизни Гоголя один из уважаемых писателем критик и литератор С.П. Шевырев. Хотя Шевырев был близок к авторскому пониманию образа Поприщина как собирательной повести-«эпиграммы» на безумие светской культуры в целом, однако едкого гоголевского сарказма по поводу псевдооблагороженной немецким романтизмом пошлости современного обывателя, – «безумия» читателя, ориентированного на журнальную западную культуру, – он не заметил. В рецензии на «Миргород», напечатанной в начале апреля 1835 г. в «Московском Наблюдателе», Шевырев заявлял: «...В новых повестях, которые читаем мы в Арабесках, <...> юмор Малороссийский не устоял против западных искушений и покорился в своих фантастических созданиях влиянию Гофмана и Тика – и мне это досадно. Ужели ничто оригинально Русское не может устоять против Немецкого?» [Шевырев: 404]. Вопреки прообразовательному замыслу «Записок...» как произведения, обличающего «пошлость» современной «онемеченной» культуры, Шевырев полагал, будто, приведя читателя «в сумасшедший дом», Гоголь этим ограничился, а «бесмыслицу в нашей собственной жизни, в кругу так называемом образованном», никак не затронул [Шевырев: 402–403]. Только вскользь Шевырев подмечал, что характер повестей Гоголя в «Арабесках», посвященных «цивилизованному» Петербургу, обусловлен самим предметом изображения: «Может быть, это есть влияние Петербурга на Автора...» [Шевырев: 404].

Просчет критика в понимании повести Гоголя очевиден, однако если для Шевырева предостерегающие замечания в адрес создателя «Невского проспекта» и «Записок сумасшедшего» означали призыв к более строгому отношению к западному влиянию, то позднее подобные мнения стали предметом ангажированных заявлений – решительных утверждений, будто «Записки сумасшедшего» являются результатом увлечения немецким романтизмом. Главную роль в этом сыграли Ал.Ник. Веселовский, известный автор очерков «Западное влияние в новой русской литературе» [Веселовский 1883; 1896], и не менее известный издатель и комментатор сочинений Гоголя Н.С. Тихонравов.

Тихонравов, будучи по убеждениям «западником типа Грановского и Тургенева» [Сакулин: 36]¹, по поводу «Записок сумасшедшего» в 1889 г., высказал предположение, будто в авторском черновом плане «Арабесок» название повести (состоящие не из двух, как в окончательном тексте, а из трех слов – наскоро и небрежно написанных) следует читать как «Записки сумасш. музыканта» [Тихонравов: 558, 610; курсив мой. – И.В.]². Сомнительное прочтение содержанию по-

¹ См. подробнее: [Карнеев: 73; Сакулин: 25–29; Гудзий: 18; Медведева: 50].

² Такое прочтение – «Записки сумасшедшего музыканта» вместо «Записки сумасшедшего мученика» – появилось, в частности, по той причине, что написание литер «з» и «ч» в середине слова у Гоголя одинаково. Что же касается остальных литер, то буква «ь», которую предположил Тихонравов, в слове не читается; «н» и «к» опять-таки близки в написании; предполагаемые же окончания слова -анта или -ика равно гипотетичны, ибо буквы в автографе написаны далее очень неразборчиво [Виноградов 1994].

вести никак не соответствовало, поэтому Тихонравов, как и Веселовский в своих обнародованных тогда же произвольных утверждениях о «западничестве» Гоголя [Веселовский 1883: 166; 1896: 210], обратился к соображениям общего характера. В подкрепление своего сомнительного прочтения Тихонравов выдвинул допущение, будто Гоголь «первоначально предполагал написать <...> повесть <...>, увлекшись рассказами князя В.Ф. Одоевского о сумасшедших музыкантах» [Тихонравов: 610]. Тихонравов указывал при этом на общение Гоголя с Одоевским в 1832 г., когда последний работал над сборником «Дом сумасшедших»¹. Этим аргументы Тихонравова исчерпывались. В дальнейшем фактов и сколько-нибудь убедительных доказательств в подтверждение сделанного заявления тоже не появилось – ни у Тихонравова, ни у исследователей, разделявших его мнение. (До 1994 г. точка зрения Тихонравова относительно первоначального названия «Записок...» была единственной; [Виноградов 1994]). Спорный вопрос этот требует более тщательного и непредвзятого изучения.)

О своем знакомстве с Одоевским Гоголь сообщал И.И. Дмитриеву 30 ноября 1832 г.: «Князь Одоевский скоро порадует нас собранием своих повестей, в роде Квартета Бетговена, помещенного в Север<ных> Цветах на 1831 (см.: [Одоевский 1830]. – *И.В.*). Их будет около десятка, и те, которые им написаны теперь, еще лучше прежних. Воображения и ума куча! Это ряд психологических явлений, непостижимых в человеке! Они выдут под одним заглавием Дом сумасшедших» (X, 199). 8 декабря 1832 г. П.А. Плетнев извещал В.А. Жуковского: «Гоголь мне сказывал, что князь Одоевский (с которым я сам не видался больше полгода) готовит собрание своих повестей, под названием: Дом сумасшедших. Некоторые прочитывал он с Гоголем: они ему так нравятся, что он их предпочитает напечатанным, как напри<м>ер>, Последний концерт Бетговена» [Виноградов 2017–2018. 2: 212].

Гоголю было известно и продолжение публикации Одоевского 1830 г., повесть о безумном архитекторе «Opere del cavaliere Giambatista Piranesi», напечатанная в 1831 г. в «Северных Цветах...» [Одоевский 1831] (см. письмо Гоголя к А.С. Данилевскому от 1 января 1832 г.; X, 173–174). Однако каких-либо переключек и реминисценций между образами безумцев-музыкантов у Одоевского и «Записками сумасшедшего» нет.

О том, что «музыкальная» тема Одоевского отнюдь не была подхвачена Гоголем (как полагал Тихонравов), свидетельствует и дальнейшая история общения Гоголя с Одоевским. 8 февраля 1833 г. Гоголь сообщал А.С. Данилевскому: «...Князь Одоевский <...> на днях печатает он фантастические сцены под заглавием Пестрые сказки. Рекомендую: очень будет затейливое издание, потому что производится под моим присмотром» (X, 208). В предисловии к «Пестрым сказкам...» сам Одоевский сообщал: «Нужным считаю присовокупить, что я на себя же взял издание давно обещанного Дома Сумасшедших; сочинение, которое, впрочем, сказать правду, гораздо более обещает, нежели сколько оно есть в самом деле» [Одоевский 1833: VI].

С содержанием «Пестрых сказок...», напечатанных в 1833 г., в сочинениях и письмах Гоголя выявлено три реминисценции, опять-таки исключительно сатирического характера. Это, во-первых, образ «немца»-переписчика Шрейдера в незавершенной комедии «Владимир 3-ей степени» (предшествующей созданию

¹ Знакомство Гоголя с Одоевским произошло в июле 1832 г., сближение относится к ноябрю того же года [Виноградов 2017–2018. 2: 176, 208].

«Записок сумасшедшего»; см. выше). Во-вторых, это замечание о поведении чиновников на Пасху в письме Гоголя к М.А. Максимовичу от 20 апреля 1835 г. (см.: [Виноградов 2017–2018. 2: 305–306]). В-третьих, упоминание в статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» о чиновнике, «совершенно похожем на то отношение, которое он пишет» (см.: [Виноградов 2017–2018. 2: 223–224]). Однако никаких вопросов, связанных с музыкой, Гоголь в этих текстах не затрагивает; общей является лишь тема пошлого чиновничества. В «Записках сумасшедшего» вместо «романтического» безумия Гоголь тоже изображает безумие «пошлости» окружающего мира, включая сюда и пошлость напыщенно романтических, псевдовозвышенных увлечений героя, «сумасшедшего мученика». В отличие от романтического представления о «великих безумцах» (присущего повестям à la Hoffmann Н.А. Полевого и образам музыкантов у Одоевского; [Ботникова: 70–74, 86–88; Турьян: 191–195, 203, 209–210, 261, 263–265]) («с щедростью культуртрегера князь Одоевский разбрасывал русской публике европейские фабулы» [Назирова: 97]), у Гоголя, «напротив, безумие всегда отрицательное начало, всегда болезнь и разрушение», свидетельствует о «разрушении и деградации» личности [Ботникова: 143]; «в отличие от романтических тенденций, Гоголь отказывается от всякой эстетизации поприщинской болезни» [Кёнен: 159]. Г.А. Гуковский писал: «Для Одоевского все люди – сумасшедшие, и вообще где разум и где безумие – Бог знает. Для Гоголя все люди – в основе нормальные, разумные создания, и лишь искажение их сущности делает их безумными. Ведь то высокое, поэтическое и народное, что неожиданно обнаружилось в сумасшедшем Поприщине, было в нем всегда, и тогда, когда оно спало в нем, во времена его “нормального” бытия» [Гуковский: 322]. Очевидно, Гоголь разделял взгляд В.П. Андросова, изложенный в упомянутой повести «Случай, который может повториться», что безумие немзыкально, является «нестройным криком», диссонансом и «воплем» в «ощущении гармонии»: «Чувство этого <...> рода <...> овладевает вами <...> тогда, когда вы <...> найдете <...> пораженный животным бессмыслием ум человека» [Андросов: 153]. Некоторое сходство произведения Гоголя и Одоевского обнаруживают лишь в «суде над “блаженством безумия”», в обличении романтической «идеализации» и «поэтизации» ненормальности [Захаров: 95], которые Одоевский однажды обнаружил в повести «Opere del cavaliere Giambatista Piranesi», где отчасти низвел «высокого безумца»-архитектора «с романтического пьедестала» [Турьян: 199].

Реальные, конкретные переключки с гоголевским замыслом обнаруживает другое произведение с тем же названием, что у Одоевского, – «Дом сумасшедших» А.Ф. Воейкова. Как уже указывалось, сходство между «Записками сумасшедшего» и «Домом сумасшедшего» Воейкова являет себя сразу несколькими мотивами: одинаково критическим отношением к издателю «Северной Пчелы» Ф.В. Булгарину; упоминаниями о «луне» сумасшедших; словами героя о «патриотических» «арендах»; критикой «масонов»-«мартинистов»¹.

К романтическим представлениям о гениальном безумии Гоголь относился всегда негативно. Такое отношение являлось закономерным продолжением его художественного обличения «лишнего» человека – «огорченных» людей, будто бы не имеющих возможности реализовать себя в «пошлой» среде. Психология «лишнего человека» формировалась именно под воздействием романтической

¹ См. разделы 9 и 12.

литературы [Ботникова: 75; Ельницкая: 240–242]. Гоголю такая психология представлялась отнюдь не свидетельством гениальности, стесненной социальными рамками, но, напротив, свойством праздного духовного «недоросля», компенсирующего комплекс неполноценности манией величия [Зими́на: 89].

Одним из средств такой компенсации являются завышенные представления Поприщина о собственном «слоге». Умением литературно писать герой явно «извиняет» свое ничтожество на служебном поприще. Сама по себе «грамотность» оценивается героями как отличительный признак «благородного сословия». Ею гордятся – так же, как сельский дьячок Фома Григорьевич относит к первостепенным достоинствам своего деда (который был «не из простых <...> козаков»; I/II, 154) то, что тот «знал и твердо-он – то, и словотитлу поставить» (I/II, 154). Незначительное превосходство над неграмотной или малограмотной средой, «благородное» умение писать, служба в «благородном» департаменте надмевают и Поприщина. Поэтому переписка собак ущемляет его самолюбие вдвойне. Герой заявляет: «Правильно писать может только дворянин. Оно, конечно, некоторые и купчики-конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога» (III/IV, 160). «Грамотность» собак ставит Поприщина на одну доску с ними, так что записки сумасшедшего (где, как и в деловых бумагах, путаница, «ни числа, ни номера» – за что начальник отделения «распекает» Поприщина¹) становятся равноценны переписке собак. В этом отношении «пишущая» собачка Меджи тоже выступает «двойником» Поприщина. «Клочками» и «ералашем» из дневника Поприщин наглядно олицетворяет «сатирическую» народную поговорку, упомянутую позднее Гоголем в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности»: «Писал писачка, а имя ему собачка» (VI, 61)².

«Авторское», «литературное» двойничество Поприщина и Меджи помогает разрешить еще одно недоразумение, возникшее у комментаторов по поводу гоголевской повести. По мнению Ал.Ник. Веселовского (впервые высказанному в 1896 г.), «Записки сумасшедшего», по образам собачек, можно считать результатом влияния романа Э.Т.А. Гофмана «Житейские воззрения кота Мурра...» (1819–1821). (Первый русский перевод романа «Кот Мурр» был издан после создания «Записок...»; см.: [Гофман 1840]³.) Веселовский замечал: «...Переписка собачек, морализирующих насчет людей, совсем в духе “Кота Мур<p>a”» [Веселовский 1896: 215]. (Как указывалось, в повести сказались, по-видимому, дружеские «по-

¹ Погрешности в письме, с пропуском букв, – «один из самых частых признаков психического заблуждения» [Безчастный: 77].

² По замечанию исследователя, «тождественным» собачке Поприщин становится тогда, когда, подобно Меджи, не успевшей вскочить за хозяйкой в дверь магазина, остается вместе с ней мокнуть на улице. В этом «родственном» моменте и происходит «переселение» Поприщина в «собачий» мир [Зими́на: 89]. Этому «способствует» сама экстремальная для участников – но обычная для Петербурга – обстановка, в которой диалог собачек становится слышим. Образ непрекращающегося дождя – «как<бы> желающего вдавить еще ниже этот болотный город» («Дождь был продолжительный... <...> Ни одной полосы света...»; VII, 124–125) [Виноградов 2000: 40–41], связан у Гоголя, по мнению исследователя, «с мотивом возмездия (потопа)» [Кузнецов 1992: 37]. В финале Поприщин оказывается наказан «дождем» – холодной водой, которой его лечат в сумасшедшем доме [Кузнецов 1992: 42].

³ Указанный перевод был упомянут в «Реестре книгам, отправленным из Москвы в Рим Гоголю 1841 года июля 11 дня» (составлен М.П. Погодиным весной 1840 г., возможно, по устным рекомендациям Гоголя) (IX, 737).

клоны» от собак и рассказы о них в письмах сестры Гоголя Елисаветы¹.) Г.И. Чудаков, поддержавший мнение Веселовского, указал в этой связи на особенность сюжета «Записок...», представившуюся ему как противоречие: «На характере переписки собачек, <...> кажется, сказалось влияние Гофмана в ущерб, может быть, художественной и психологической правде. <...> ...Раз переписка собачек включена в дневник, то, очевидно, что все высказываемое в этой переписке есть ничто иное, как мысли того же самого больного. Между тем высказанное в переписке собачек идет вразрез со всем остальным дневником. <...> ...Так смотреть на директора, как смотрела Меджи, Поприщин не мог» [Чудаков: 105–106]. Действительно, Поприщин как автор личных записок «не может знать» того, что «знает» о его начальнике (и его дочери Софи) домашняя собачка. Отмеченное «противоречие», на которое продолжали указывать исследователи [Гуковский: 269–270; Яковлев 1984: 93–94], долгое время оставалось неразрешенным. По мнению В.Д. Денисова, «ни “собачья переписка”, ни ее достоверность в обосновании» и «не нуждаются, ибо парадоксальная необъяснимость изначально свойственна “Запискам сумасшедшего” как арабескам» [Денисов: 475]. Между тем, доверяя дневнику Поприщина сведения от проницательных собак, Гоголь «художественной и психологической правды» повести, очевидно, все-таки не нарушил. Общее героям двойничество позволяет предположить, что умножившийся в своих двойниках Поприщин письма собачки Софи написал сам. Целый ряд исследователей согласны в том, что Гоголь изобразил в герое раздвоение личности, ее «размножение на автономные фантомы персонажей, от Софи и ее “папа” до Трезора, Бобова, Лидиной» [Светлакова: 433] (см. также: [Слюсарь: 72; Яковлев 1991: 90]). В этом состоянии одна из сторон «двойника» пользуется информацией «другой», сама ею, в другом своем статусе, как бы не располагая. Одна из сторон «множественной личности» Поприщина знает о его начальнике то, чего «не дано» знать другой. Еще не прочитав писем, Поприщин уже заведомо «знает», что там написано, уверенно заявляя, что наконец узнает «все дела, помышления, все эти пружины», доберется «до всего»: «Эти письма мне всё откроют» (III/IV, 165) [Иванов: 51]. То, что сведения эти ему известны еще до чтения писем, Поприщин скрывает от себя тем, что, мол, «собаки народ умный, они знают все политические отношения, и потому, верно, там будет все: портрет и все дела этого мужа» (III/IV, 165). Подлинный же источник сведений, которыми пользуется герой, сочиняя собачью переписку, – отнюдь не случайно упоминаемый тут же барский лакей-резонер Григорий. Лакей, метя пол, «всегда почти» разговаривает «сам с собою» (III/IV, 168). «Собачка» Меджи прямо сообщает об этом в письме: «Я <...> слышала от нашего Григория, который метет пол и всегда почти разговаривает сам с собою, что скоро будет свадьба...» (III/IV, 168). Из подслушанных самим Поприщиным комментариев лакея Григория о барине (подобным репликам Осипа о Хлестакове в «Ревизоре»), очевидно, и появляется в дневнике сумасшедшего правда о «его превосходительстве» и его красавице дочери [Иванов: 52]. (Характерно также опасение Подколесина в «Женитьбе», что обличение его приятелем происходит в присутствии слуги: «В своем ли ты уме? Тут стоит крепостной человек, а он при нем бранится, да еще такими словами...»; III, 323.) В раздвоенном сознании героя одна из его «половин» записывает, в числе прочего, и то, кем в действительности является он сам, – тот разоблачительный «пасквиль» о себе, смысла которого будущий «испанский король»

¹ См. примеч. к разделу 3 наст. статьи.

избегает¹. Автор у дневника безумного один – не только в записках сумасшедшего о себе, но и в переписке собак. Как указала М. Кёнёнен, «слог» собачек и слог Поприщина практически одинаков. «Начальник отделения <...> делает Поприщину выговор за те же ошибки, которые он критикует в собачьей переписке», – Поприщин, обсуждая собачьи письма, «критикует свою собственную способность писать, и не только формальные недостатки, но и тривиальность содержания» [Кёнёнен: 149, 151] (см. также: [Кабалова: 158])². В определенном смысле можно сказать, что Поприщин является «Гофманом», сочиняющим для своего дневника, в «блаженстве безумия», переписку животных, и вся собачья тема в «Записках...» травестирует литературную «гофманщину». «Дар» Поприщина слышать разговор собачек является пародией на «высокие образы романтической литературы» – «гениальных» безумцев, способных понимать язык животных [Маркович: 81] (в повести пародируются и другие «подобные примеры»: рыба, говорящая на неизвестном языке; коровы, покупающие чай).

В принципиальную полемику с романтическими образами и мотивами Гоголь вступил еще в 1820-х гг. в образе малодушного, «слабого» героя поэмы «Ганц Кюхельгартен» (см.: [Виноградов 2000: 300–312; 2018b; 2019d; 2019e]). Даже в ранней поэме к романтической образности Гоголь относился не только лишь как подражатель и ученик, но и как размышляющий критик романтического героя. Впоследствии, после значимых событий 1829 г. (сожжение «Ганца Кюхельгартена», поездка в Германию [Виноградов 2022c]), его обращение к романтическим мотивам стало исключительно полемическим.

14. ПОПРИЩИН И МУЗЫКА

Несмотря на неизменную, начиная с «Ганца Кюхельгартена», полемику Гоголя с романтической литературой – и отрицательное отношение писателя к теме «гениального» безумия, – в интерпретациях «Записок сумасшедшего» бытует мнение, будто основой для создания повести Гоголю послужили образы гениальных сумасшедших музыкантов Э.Т.А. Гофмана [Золотусский 1976: 154; Золотусский 1987: 163; Ботникова: 141; Пумпянский: 113; Дерюгина 2009b: 857, 887]. В этом исследователи опирались на мнение Н.С. Тихонравова. Соответственно этой гипотезе заявлялось также, будто повесть находится в «зависимости» от размышлений о важной роли музыки В.Г. Вакенродера [Денисов: 289, 482, 490]. Однако каких-то конкретных фактов, доказательных наблюдений, проясняющих в этом отношении содержание «Записок сумасшедшего», эти заявления не получили – главным образом потому, что повести о сумасшедшем «музыканте» Гоголь не написал, а «создал повесть о сумасшедшем чиновнике» [Макогоненко 1979: 96].

По поводу возможного влияния Гофмана на создание «Записок сумасшедшего» повторялось, например, давнее суждение слависта А. Стендер-Петерсона 1922 г. [Stender-Petersen], будто основой образа Поприщина является один из фрагмен-

¹ Герой стремится закрыть эту правду «другой», которую, возможно, тоже сочинил сам. По предположению Г.В. Иванова, «диалогом» героя с самим собой являются и его записки обличительных реплик начальника отделения. Упреки начальника, будто ничтожный Поприщин «волочится за директорскую дочь» (III/IV, 162), на самом деле могут означать самовозвышение сумасшедшего в собственных глазах. Воображаемое допущение, будто он в самом деле способен дерзнуть на такое ухаживание, делают его «значительнее» [Иванов: 49–50]. Так или иначе, но дневник Поприщина – это не просто «записки», но «напряженнейший “внутренний монолог” героя» [Иванов: 54], – дневник, содержащий многоголосицу единого «душевного города».

² По поводу одного из писем Меджи герой, в частности, замечает: «Гм! и числа не выставлено» (III/IV, 167). Сам Поприщин в дневнике тоже перестает ставить числа [Кузнецов 1992: 42].

тов книги Гофмана «Серапионовы братья». Имелся в виду эпизодический образ сумасшедшего чиновника Неттельмана в «Отрывке из жизни трех друзей» в гофмановских фантазиях [Виноградов 1925: 37–38; Ботникова: 141, 202; Дерюгина 2009b: 857]. Кажущаяся «перекличка» в данном случае настолько малозначительна и «микроскопична», что говорить о каком-то «влиянии» здесь не приходится («тайный советник» Неттельман «воображает, что он был Королем в Амбоане, взят в плен, и в продолжение пятидесяти лет за деньги показывался, как райская птица»; «На нем была <...> корона из позолоченной бумаги...»; [Гофман 1832: 520–522, 52; см. также: Гофман 1836: 52–54, 98]. Можно констатировать лишь отдаленное «типологическое» сходство – то, что в обоих произведениях речь идет о сумасшедшем, и тоже о чиновнике.

Выше уже указывалось, что упоминания о тройке, звенящем колокольчике, «струне», звенящей «в тумане», в финале повести соотносятся с рассуждениями Гоголя о значении музыки и национальных мотивов в статьях «Скульптура, живопись и музыка», «Малороссийские песни» и «Петербургская сцена в 1835–36 г.». Однако этот «музыкальный» контекст повести недвусмысленно связан с *выздоровлением* героя, возвращением его к норме, на родину, – а не с движением на Запад, «к Гофману», к безумию. Как бы то ни было, подразумевал ли Гоголь в первоначальном замысле «Записок сумасшедшего» образ музыканта-безумца или не подразумевал, но герой определенно «бежит» в финале от «гофмановского» «блаженства» и от того игривого «романтизма» (с «шишкой» под носом у алжирского дея), который обрушивала на читателя современная журналистика во главе с «Северной Пчелой». Не случайно финальная фраза Поприщина созвучна заключительным словам рассказчика <Повести о ссоре>, утомленного окружающей пошлостью: «Скучно на этом свете, господа!» (I/II, 497) [Безчастный: 79–80]. Как писал В.Г. Белинский по поводу повестей в «Миргороде» и «Арабесках», Гоголь «насмешил нас до слез глупостями, ничтожеством и юродством этих живых пасквилей на человечество» и «заставил нас расстаться с ними с каким-то глубоким грустным чувством»: «...Вы смеетесь <...> над сумасшедшим, которого бред и смешит, и возбуждает сострадание» [Белинский 1835: 570, 584].

В качестве аргумента, что «поначалу» герой будто бы «мыслился Гоголем как <...> музыкант», обращали также внимание на слова Поприщина о том, что в доме Зверкова у него есть приятель, который «хорошо играет на трубе» (III/IV, 160) [Шульц 2002: 109; Светлакова: 434]. Этому мотиву «Записок...» соответствуют в гоголевских произведениях еще несколько сходных образов. Тема повторяется в репликах героев «Женитьбы» («...муж играет на скрипке <...> или роется в бумагах...»; [Гоголь 1937–1952. 5: 326]), «Ревизора» («...Иван Кирилович очень потолстел и все играет на скрипке...»; III/IV, 222); отзывается в «поэзии» моряка Жевакина [Гоголь 2001–2023. 5: 249], торговца Янкеля (I/II, 362), переписчика Башмачкина (III/IV, 119). Если видеть во всех этих образах возвышенную «романтику» (в духе Вакенродера или Гофмана), то представлена она здесь, несомненно, не как признак гениального безумия или намек на «романтическую», возвышенную роль музыки, но исключительно как проявление всепоглощающей пошлости, т. е. изображена в пародийном виде – как критика псевдодуховных увлечений. Поприщин действительно поэт, его страсть изображена в повести как «поэзия» [Захаров: 98], но апофеозом этой «поэзии» – безудержной страсти тщеславия – является провозглашение себя испанским королем. Поэтом-«безумцем» Поприщин является в том же смысле, как корыстолюбивый Янкель, готовый из-за утраты червонцев на само-

убийство (I/II, 395), воспеваает богатство, любуясь убранством предателя Андрия: «...Так, как солнце взглянет весною, когда в огороде всякая пташка пищит и поет и всякая травка пахнет, так и он весь сияет в золоте...» (I/II, 362). Назвать Янкеля за корыстолюбие «музыкантом» невозможно – так же не является «музыкантом», по «превозносящей» его страсти тщеславия, и «Дон-Кишот» Поприщин.

Снять противоречие, возникающие из очевидно неадекватного прочтения первоначального заглавия, пытались также тем, что в качестве «эквивалента» музыке предлагали видеть в качестве облагораживающего героя увлечения театр. Это должно было «подкрепить» именование Поприщина «сумасшедшим музыкантом», привязав его тем самым к «семье» музыкантов Гофмана и Одоевского. По мнению комментаторов, поскольку «музыка не мирилась с определенным типом героя», «место музыки в записках чиновника занял театр» [Комарович: 704]; «...Театр занял в жизни петербургского чиновника то первостепенное место, которое занимала у гофманских безумцев музыка...» [Дерюгина 2009b: 881]. Однако и при таком подходе противоречие оставалось неустраненным. Увлечение Поприщина театром с очевидностью тоже изображается в повести с «обратным знаком». Оно тоже является предметом сатиры, характеризуется как низкопробное и чувственное и тоже призвано подчеркнуть псевдо-«возвышенность» героя. «Пела одна актриса очень хорошо» (III/IV, 163), – записывает в дневнике герой о своей «причастности к миру искусства» (как определяет эту якобы «музыкальную» черту героя исследователь [Комарович: 704]). Похожих «меломанов» Гоголь, в свою очередь, изобразил в «Утре делового человека»: «“Очень хорошо поет Мелас” (речь идет о солистке итальянской труппы Т. Меласи. – И.В.). <...> “О да! с большим чувством!” <...> “Заметили ли вы, как она ловко берет вот это?..” (*Вертит рукою перед глазами.*) <...> “Именно, это она удивительно хорошо берет”» (III/IV, 410–411). Позднее в письме к Н.Я. Прокоповичу из Парижа от 25 января (н. ст.) 1837 г. Гоголь замечал о праздной великосветской знати, изображающей из себя знатоков искусства и музыки: «Знать, как бывает всегда, корчит меломанов и ходит в <...> оперу <...>, где конопатят до сих пор <...> “Гугенотов” и “Роберта” (имеются в виду оперы Дж. Мейербера; полное название второй – «Роберт-дьявол». – И.В.), ударяя в медные горшки и тазы сколько есть духу...» (XI, 92). О том, что музыка не всегда «спасает», но порой служит пустым развлечением, Гоголь размышлял, и когда говорил о римском императоре Нероне, известном своей жестокостью: «...Мерзавец Нерон <...> был <...> очень красив и талантлив, пел и аккомпанировал себе на лире...» [Виноградов 2017–2018. 4: 271]. В этом же ряду находится ироническое замечание Гоголя во второй главе «Мертвых душ» о «сильном любителе музыки», которому «кажется, что он <...> удивительно чувствует все глубокие места в ней» (V, 25). В 1845 г. в статье «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности» Гоголь тоже упоминал о любителях театра, «ценящих» его за то, как «какая-нибудь балетная танцовщица подымет ногу повыше», а «заезжий певец расщекотит музыкальное ухо человека» (VI, 66).

В отличие от своих «пошлых» героев сам Гоголь любил музыку не ради удовольствия, но за то, что та способна обращать человека к Богу: «...В наш юный и дряхлый век ниспослал Он могущественную музыку – стремительно обращать нас к Нему» («Скульптура, живопись и музыка»; VI, 288). Музыка, писал Гоголь в той же статье, «могущественней и восторженней под бесконечными, темными сводами катедраля, где тысячи поверженных на колени молельщиков стремится она

в одно согласное движение» (VI, 287). По свидетельству А.О. Смирновой, Гоголь «очень любил» концерты, «но только духовную музыку и ходил к певчим» [Виноградов 2017–2018. 2: 484]. «Пост в Петербурге есть праздник музыкантов, – замечал он в “Петербургских записках 1836 года” (Великим Постом, о котором пишет здесь Гоголь, разрешались главным образом духовные концерты). – <...> Когда согласный ропот четырехсот звуков раздастся под дрожащими сводами, тогда, мне кажется, *самая мелкая душа* слушателя должна вздрогнуть необыкновенным содроганьем» (VII, 521; курсив мой. – *И.В.*). Поприщин отнюдь не «гениальный безумец», а «самая мелкая душа», которая не идет в сравнение даже с заурядностью и способна лишь на миг, в финале повести, в минуту крайнего потрясения, услышать, как «струна звенит в тумане» (III/IV, 176). Называть его за это «музыкантом» – крайняя натяжка. (Ничего «музыкального», насколько можно судить, не было и в герое «Владимира 3-ей степени», ближайшем прототипе Поприщина, который в полной мере тоже являл собой сумасшедшего мученика; см. выше.)

Нельзя назвать Поприщина «музыкантом» и за «стишки» Н.П. Николева и Ю.А. Нелединского-Мелецкого, выписанные из популярных песенников. Хотя это отчасти и музыкальная, песенная стихия, и даже стихия «национальная», но, конечно, не та, до которой возвышается герой, когда слышит, как «струна звенит в тумане». Стихотворные увлечения сластолюбивого героя вполне соответствуют характеристике поэта Лирина в вышеупомянутой повести В.П. Андросова «Случай, который может повториться»: «...Возвышенные чувства, которые Лирин так увлекательно высказывает в своих стихах, делают ли его лучше других; менее ли он от того подличает?... <...> ...Негодяй, который <...> в женщине видит только физико-арифметическую задачу, <...> поет: *мой друг, хранитель, ангел мой!*...» [Андросов: 85]. Любовным «стишкам», переписываемым Поприщиным, прямо «родственно» упомянутое пошло-«романтическое» любовное письмо «утонченной» дамы к Чичикову в «Мертвых душах» с цитированием сентиментального стихотворения Н.М. Карамзина «Доволен я судьбою»: «Две горлицы покажут / Тебе мой хладный прах...» (V, 155). Стихотворение «взято» дамой из того же самого песенника, откуда делает свои стихотворные выписки Поприщин, – «Новейшего всеобщего и полного песенника» 1819 г.¹ Оно в свою очередь находится в сборнике в разделе «Песни любовные и нежные». «Стишки» из песенника среди увлечений сумасшедшего напоминают также песню, которую поет в «Страшной мести» обезумевшая Катерина, утратившая при этом всякую «музыкальность»: «С визгом притопывала она ногами; без меры, без такта звенели серебряные подковы» (I/II, 237). Неожиданный финал, которым Катерина обрывает песню о погибшем муже: «Танцевала рыба з раком...», – соотносится с финальной «какафонной» фразой Поприщина об алжирском дее. В свою очередь, подобно тому как Поприщин произносит свою диссонансную фразу, так же в финале андросовского «Случая...» сумасшедший завершает вдруг свой «умный» монолог тем, что неожиданно запекает «Не шей ты мне, матушка / Красный сарафан; / Не входи, родимая, / Попусту в изьян. Трайла, трайла, трайла-ла» [Андросов: 158]. Впоследствии строки романса Н.Г. Цыганова (1797–1832) «Не шей ты мне, матушка...» появились у Гоголя в «Ревизоре», где Хлестаков насвистывает в гостиничном номере сначала мотивы «космополитические», потом «национальные» – и все это сводится на «нет», сходит на «ни то, ни се»: «Насвистывает сначала из “Роберта” (имеется в виду “Ро-

¹ См. об этом в разделе 12.

берт-дьявол”, предмет великосветской меломании; см. выше. – *И.В.*), потом “Не шей ты мне, матушка”, а наконец ни се ни то» (VII, 397).

Ограничивать образ звенящей струны, слышимой героем в минуту наивысшего духовного подъема, исключительно сферой музыки (хотя та и олицетворяет порой «гармонию мира»), тоже не вполне основательно. Архимандрит Феодор (Бухарев) писал о страдающем Поприщине: «...“Записки сумасшедшего” показали мне, что и этот <...> злополучнейший из смертных, живущий, но хуже мертвого, <...> незримо блюдетя тою же материански-хранящею всех нас Силою, которая умеет же в несчастном самом его <...> несчастием <...> заставить звучать живые душевные струны, которые без того, может быть, замерли бы вовсе, навева-ет <...> и на его сиротскую, бедную душу благоуханием райского человеческого младенчества, как это слышится на конце этих “Записок”» [Феодор (Бухарев): 145]. «Благоухание райского человеческого младенчества» лишь отчасти может быть соотнесено с музыкой.

Таким образом, «музыкантом» Поприщин ни в каком отношении определенно не является. Однако «мучеником» он предстает в полной мере. Так же и Гоголь во всех мотивах повести являет себя убежденным писателем-христианином, предстает в полной мере духовным пастырем-обличителем, опирающимся на евангельские заповеди, – а не христианином только по имени, предпочитающим на деле Гофмана и «гамбургскую» луну. Сам Гоголь о литераторах, окружавших его в 1830-е гг. в Петербурге, в 1845 г. в письме к А.О. Смирновой замечал: «Никто из них меня не знал. По моим литературным разговорам всякий был уверен, что меня занимает одна только литература...» (13, 60). По словам Гоголя, его знакомые «сбились несколько с толку [на литературе] или, как говорится, зарпортовались», чего не произошло бы, «если бы были побольше христианами» (13, 67). Незадолго перед тем, в 1844 г., Гоголь писал о себе матери: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» (12, 415).

Высказано также мнение, что первоначально Гоголь «хотел представить <...> три различные судьбы художника», однако, воплотив «художническую» тему в двух повестях – в «Невском проспекте» и «Портрете» («высказав» в них «волнующие его мысли об искусстве и красоте»), отказался от трехчастного замысла и изобразил в «Записках сумасшедшего» уже не музыканта, а чиновника [Губарев: 138, 141]. Таким образом, вновь, основываясь на произвольном прочтении Тихо-нравовым чернового названия повести, утверждалось, будто изначально повесть о музыканте, в «пандан» к повестям о живописцах, Гоголь все-таки задумывал. При этом не принималась во внимание даже существенно неравная степень осведомленности Гоголя в разных областях искусства. Гоголь, как известно, был не только писателем, но и художником. Он постоянно рисовал, а в Петербурге на протяжении четырех лет, предшествовавших созданию «Арабесок», с 1830 по 1833 г., посещал классы петербургской Академии художеств [Виноградов 2017–2018. 2: 73–74, 78–79, 107, 263, 272, 338]. Что же касается музыки, то очевидно, что эта сфера искусства «изнутри» была знакома писателю гораздо менее. По признанию самого Гоголя в письме к матери от 12 апреля 1835 г., он был лишен музыкального слуха. Призывая мать не судить о незнакомых вещах, Гоголь писал: «...Еще одна просьба: не судите никогда, моя добрая и умная маминька, о литературе. <...> Вы воображаете, что умный человек непременно должен судить о литературе и понимать ее – ничуть не бывало. Я знаю очень много умных людей, которые вовсе не обращают внимания на литературу, и тем не менее я их уважаю. Литература

вовсе не есть следствие ума, а следствие чувства, – таким самым образом, как и музыка, как и живопись. У меня например [нет сочувствия] нет уха к музыке, и я не говорю о ней, и меня оттого никто не презирает. Я не знаю ни в зуб математики, и надо мною никто не смеется. Но если, не зная математики, начну говорить о ней, тогда надо мною будет всякой смеяться. Знаете ли вы, в какой можно попасть просак» (XI, 20). В.С. Аксакова также свидетельствовала, что Гоголь, несмотря на большую любовь к малороссийским песням, петь их не умел. 15–16 февраля 1850 г. она писала брату «по поводу малороссийских песен»: «Гоголь, в самом деле, с таким увлечением, с таким внутренним сочувствием поет их, разумеется, не умея петь, но для того только, чтоб передать напев и характер песни, что в эту минуту весь проникается своей народностью и выражает ее всеми средствами – и жестами, и голосом, и лицом...» [Виноградов 2017–2018. 6: 440]. Слуга Гоголя Яким Нимченко тоже вспоминал, что «по-малороссийски Гоголь говорил хорошо, песни “простые” очень любил, но сам пел плохо» [Виноградов 2017–2018. 6: 88]. Пенье свое сам Гоголь называл «козлиным» [Виноградов 2017–2018. 7: 188, 235]. Таким образом, если в живописи Гоголь разбирался вполне основательно – и потому «смело» взялся за повести о художниках, то вряд ли, подобно Одоевскому, он решился бы изобразить в своем произведении музыканта. (Свидетельствами о том, играл ли Гоголь «на трубе», – как один из героев, «приятель» Поприщина, проживающий в доме Зверкова («Там и у меня один приятель, который хорошо играет на трубе»; III/IV, 160), – мы не располагаем.) Некомпетентность и самонадеянность в любых вопросах была не только предметом предостережения Гоголя, но являлась постоянным предметом его обличения. Соответствующая реплика имеется и в «Записках сумасшедшего», где, намекая на хлестаковское всезнайство новейших вождей общества, Гоголь поместил в письмо собачки следующую фразу: «Я говорю это по опыту, хотя и не бегала по свету далее ворот нашего дома» (III/IV, 165). Призывая мать не судить о литературе, в которой та не разбиралась, Гоголь так же строго относился и к себе: не имею «[сочувствия] уха к музыке» – «не говорю о ней». Его коллега по перу Одоевский был, в свою очередь, не только писателем, но и музыкантом, композитором, музыкальным теоретиком и критиком. В этой области он оставил после себя значительное музыкально-критическое наследие (см.: [Одоевский 1956]). Но для Гоголя, в отличие от Одоевского, избрать музыкальную тему в качестве главного предмета изображения было большим риском «попасть впросак». Все это еще раз позволяет говорить о том, что небрежно написанное в первоначальном названии повести третье слово означает «мученика», а не «музыканта»: «Записки сумасшедшего мученика».

15. «НАРОДНОЕ БОГОСЛОВИЕ»

Наряду с суеверием и приверженностью героя к «донкишотству», особую «статью» «Записок сумасшедшего» составляет проблема мнимого богословия, или «школьной схоластики» пошлого человека, – тема, бывшая предметом неизменного внимания Гоголя начиная с самых ранних его произведений. Еще в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Гоголь как художник-христианин, исследуя народный менталитет, вывел целую галерею псевдобогословствующих героев. Один из примеров – рассуждение винокура в «Майской ночи...»: «Что вы, братцы! <...> Слава Богу, волосы у вас чуть не в снегу, а до сих пор ума не нажили: от простого огня ведьма не загорится! Только огонь из люльки может зажечь оборотня» (I/II, 145). Ни до, ни после Гоголя это квазибогословие, граничащее с мифологией, в качестве

особого раздела этнографии никогда не рассматривалось. Между тем разнообразные самоуверенные и безапелляционные суждения о вере лиц, на деле весьма мало осведомленных в духовных вопросах, представляют довольно широкое явление народной жизни (не исключая и великосветского общества) и потому нуждаются в специальном определении. По аналогии с сферой языкознания область обывательских религиозных предрассудков, наивно-«романтического» сознания, вольно формулирующего понятие о Боге, можно назвать «народным богословием» – подобно тому, как произвольная народная этимология составляет отдельную сферу языковедения. Герой «Записок сумасшедшего», среди других гоголевских персонажей, тоже является характерным носителем псевдобогословия.

«Богословскую», мировоззренческую неразвитость Поприщин демонстрирует прежде всего в извращенном понимании своего долга и самого смысла жизни¹. «Ничтожный», одолеваемый соблазнами чиновник исполнен мыслей о своей чрезвычайной значимости и крайней самоуверенности. С похожим превратным представлением о «долге» столь же самонадеянно выступает, к примеру, у Гоголя героиня повести «Нос», которая, подобно псевдобогословствующей свахе в «Женитьбе», замечает о своем супруге цирюльнике: «Знай умеет только бритвой возить по ремню, а *долга* своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй!» (III/IV, 41; курсив мой. – *И.В.*). Сваха на этот счет тоже «авторитетно» замечает: «...Уж так Бог <...> создал: уж коли <кто> родился на свет, то уж конечно на то, чтобы с него был жене муж» [Гоголь 1937–1952. 5: 326]. Понятно, какого рода «христианским апологетом» является герой «Записок...», рассуждающий, что «цирюльник, который живет в Гороховой <...>, хочет по всему свету распространить магометанство» (III/IV, 172). Эти строки представляют собой очевидный намек на пропажу «носа», которую Гоголь описал позднее в одноименной повести, объясняя несчастье героя действиями «мошенника цирюльника» (III/IV, 56) – его отточенной «на ремне» бритве².

Обеспокоенный тем, что «уже <...> во Франции большая часть народа признает веру Магомета» (III/IV, 172), т. е. пекущийся обо всем на свете, как упомянутая аристократическая дама в «Мертвых душах» о французском «модном католицизме», Поприщин к своей вере относится вполне индифферентно. Так, о том, что живущие не «по воле Божией» (1 Петр. 4, 2–3) «дадут ответ Имеющему вскоре судить живых и мертвых» (1 Петр. 4, 2–3), герой упоминает всуе, говоря об этом как весьма отдаленной, почти нереальной перспективе: «...Скорее Страшный Суд придет» (чем казначей выдаст до срока жалованье) (III/IV, 158). Этим Поприщин сам причисляет себя к говорящим: «Где обетование пришествия Его?» (2 Петр. 3, 4) (подразумеваемый ответ: «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию»; 2 Петр. 3, 9).

Опрометчиво видеть в «заботе» Поприщина о французском католицизме тревогу «об опасности забвения исконной веры» [Бурмистрова: 261]. Это лишь имитация героем духовных интересов, амбиция, претендующая на церковно-государственное мышление, на «аристократизм» и кругозор важного сановника – «испанского короля». Она стоит в том же ряду, что и финальная фраза героя об алжирском дее,

¹ См. об этом подробнее в разделе 3 наст. статьи.

² Ремесло «отворяющего кровь» цирюльника объединяло в себе в первой половине XIX в. профессии «парикмахера и фельдшера» (см., в частности: [Указатель жилищ...: 539]). «Символ ‘цирюльник’ этимологически (и функционально) связан с символом ‘хирург’ (через ‘chirurgus’), что не только “бреет”, но и “кромсает”...» [Долгобородов: 24].

знаменующая его возвращение к мировой политике, т. е. к собственной гордыне, которую тот питает и услаждает «медом» «Пчелки» – «Северной Пчелы». Настоящее отношение Поприщина к религиозным вопросам, в том числе к своей «исконной» вере, вполне формально. Оно во всем подобно «теплохладной» религиозности других псевдонабожных, православных только по имени героев Гоголя, таких как Иван Федорович Шпонька, занимающийся гадательной книгой и бельем в чемодане, в то время как «набожный жид шабашовал по субботам и, накрывшись своею попоной, молился весь день» (I/II, 252), или как Иван Никифорович Довгочхун, покупающий у «жида с товарами» жидкость против блох, «выбрав наперед его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру» (I/II, 455). Столь же лицемерным в вопросах веры является закадычный приятель Довгочхуна Иван Иванович Перерепенко, который почти дословно повторяет «кричаще»-ироническую реплику Поприщина о «Страшном Суде», – используя ее применительно к «ружью», предмету ссоры героев: «Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по Втором Пришествии» (I/II, 460).

Таково же «упование» на Бога, всеу, и героя «Записок сумасшедшего»: «Погоди, <...> будем и мы полковником, а может быть, если *Бог даст*, то чем-нибудь и побольше. <...> Дай-ка мне ручевский фрак, сшитый по моде...» (III/IV, 162; курсив мой. – *И.В.*).

В повести «богословствуют» и поминают о Боге (и, соответственно, о преступлении заповедей, о грехе) даже собачки¹. Уличный диалог Меджи и Фидель, подслушанный Поприщиным, отзывается, в частности, в строках восьмой главы первого тома «Мертвых душ» о *священных* «визитных карточках»: «Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойке или бубновом тузе, но вещь была очень священная. Из-за нее две дамы, большие приятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно...» (V, 153). «Святость» светского этикета и обсуждают собачки в «Записках...»: «*Грех тебе, Меджи!*» <...> “Нет... <...> ...Верно Полкан не принес письма моего!”» (III/IV, 160; курсив мой. – *И.В.*). «*Небо!* какая разница!.. – *набожно* восклицает Меджи в другом месте, – у камер-юнкера <...> широкое лицо <...>, а у Трезора мордочка тоненькая...» (III/IV, 168; курсив мой. – *И.В.*).

Отношение Гоголя к мнимо-«священным» предметам с поминанием имени Бога всеу (Исх. 20, 7) хорошо проясняет эпизод из петербургской жизни писателя, когда в 1831 г. на традиционное собрание выпускников Нежинской гимназии 1 октября пришел соученик А.Н. Мокрицкий, принеся с собой узелок с «костюмчиками» для своих юных подопечных – детей князя А.В. Васильчикова: «“А что это у тебя, брате Аполлоне?” – спрашивает Гоголь. М<окрицкий> <...>: “Это <...>, Николай Васильевич, не по твоей части; это – священные...” – “Как, что такое, покажи!” – “Пожалуйста, не трогай, Н<иколай> В<асильевич>, – говорю тебе, нельзя – это священные”. <...> Гоголь схватил узелок, развязал, увидел, что там такое, плюнул в него и швырнул в окно на улицу» [Виноградов 2017–2018. 2: 131].

Еще одно суесловное «богословствование» Поприщина осталось в черновой редакции повести. Гоголевские комические герои из числа «квасных патриотов» (подобные тем, каких герой обличает в желании «аренды»), – будучи «невеждами в вере», но примеряя на себя «образ благочестия» (2 Тим. 3, 5, 8), – утверждают: «...Все святые говорили по-русски» («Женитьба»; III/IV, 348) (ясно, что утверждающий это знает о житиях только понаслышке); «Все святые люди и угодники Божии едали галушки» («Страшная месть»; I/II, 219) (в другом эпизоде «Страш-

¹ См. об этом подробнее в разделе 3 наст. статьи.

ной мести» герой и вовсе восклицает: «Горелки даже не пьют!... <...> ...Он и в Господа Христа не верует»; I/II, 218). Такое же псевдоревностное «богословие» демонстрирует Поприщин в черновике повести: «...Люди несправедливо ведут счет неделями. Это жида ввели, потому что раввин их в это время моется» [Гоголь 2003–2020. 3: 440].

В целом можно заключить, что герой «Записок сумасшедшего», озабоченный несовершенствами мира, не лишенный христианских побуждений и отличающийся многочисленными «культурными» запросами, – увлекающийся политикой, театром, литературой, поэзией, философией, наукой, даже претендующий на богословие, – на деле является, согласно замыслу автора, неразумным, сумасшедшим «Дон-Кишотом» всех этих культурных сфер, поскольку избирает во всем не главные, действительно важные ценности, а исключительно мнимые величины. В этом, по Гоголю, заключается трагедия современного «цивилизованного» человека, очевидное сумасшествие и «дон-кишотство» светской культуры, утратившей подлинные ориентиры и разменявшей себя на «дробь и мелочь» [Виноградов 2021b: 282–288]. На смену «юношеским» Средним векам, проникнутым «одною мыслию – освободить <...> свою Веру» («Владычество одной мысли объемлет все народы»; VII, 181), приходит «старческое», «дряхлое» состояние мира, эпоха «мертвых душ», изображению которых Гоголь посвятил вскоре новое произведение – поэму с одноименным названием. Пафос гоголевского творчества был направлен не против политического устройства общества, но, по словам рассказчика «Невского проспекта», против «адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни», «демона», который «искрошил весь мир на множество разных кусков и все эти куски без смысла, без толку смешал вместе» (III/IV, 18–19). В сфере обличения Гоголя оказывалась поэтому не только «низменная» сфера жизни, с очевидностью заслуживающая порицания, но и псевдовысокий полет романтических блужданий.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова С.В. Повести Гоголя и народная зрелищная культура // Русская литература. 2001. № 1. С. 50–65: lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/%D0%A0%D0%9B_2001_1.pdf

Александрова С.В. Повести Н.В. Гоголя и комедийные традиции его времени: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: <Без изд.>, 2011. 22 с.

Андросов В.П. Случай, который может повториться. Русская Современная Быль // Телескоп. 1834. Ч. 20. № 9. С. 15–26; № 10. С. 78–86; № 11. С. 145–158.

<*Бартенев Ю.Н.*> Юрий Никитич Бартенев. Отрывки из его Крымских дневников. (Жизнь в Симферополе 1843 г.) // Русский Архив. 1899. № 8. С. 549–580.

<*Батюшков К.Н.*> Сочинения в прозе и стихах Константина Батюшкова. Издание второе. СПб.: В Типографии И. Глазунова, 1834. Ч. 1. 334 с.; Ч. 2. 270 с.

Батюшков К.Н. Соч.: В 2 т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1 / Сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Кошелева. 511 с.; Т. 2 / Сост., подгот. текста, коммент. А. Зорина. 719 с.

<*Батюшков К.Н., Уваров С.С.*> О Греческой Антологии. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1820. 44 с.

Безчасный К.В. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя: клиническое понимание произведения // Психическое здоровье. 2020. № 2. С. 75–80.

Белинский В. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7. С. 392–417; № 8. С. 536–603.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: <В 13 т.> М.: АН СССР, 1953–1959.

Бем А.Л. «Горе от ума» в творчестве Достоевского // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Praha: České grafické unie A.S., 1931. Ročník X. S. 88–108.

Бем А.Л. «Горе от ума» в творчестве Достоевского // Лицо и Гений. Зарубежная Россия и Грибоедов / Сост. и вступ. ст. М.Д. Филина; ред. и коммент. В.А. Кожевникова. М.: Русский мир, 2001. С. 146–164.

Бланк К.Д. По заколдованным местам Гоголя // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 177–179.

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература (первая половина XIX века). К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. 208 с.

Бурмистрова С.В. Аллюзии на апостольский текст в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // «Таинство слова и образа»: К 1030-летию Крещения Руси: сб. материалов научно-богословской конференции (Сергиев Посад, 3–4 октября 2018 г.). Сергиев Посад; Переславль: Изд-во Московской Духовной академии; Издательский отдел Переславской епархии, 2019. С. 254–263.

Веселовский Ал. Западное влияние в новой русской литературе. Сравнительно-исторические очерки. М.: Типография А. Гатцука, 1883. 206 с.

Веселовский Ал. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. 2-е изд., перераб. М.: Высочайше утвержденное «Русское Т<оварищес>тво печатного и издательского дела», 1896. 256 с.

Виноградов В. Гоголь и натуральная школа. Л.: Образование, 1925. 76 с.

Виноградов И. Крест миролюбцев. К первоначальному названию повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Лит. Россия. 1994. 18 марта. № 11. С. 14.

Виноградов И.А. Развязка Ревизора. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Ревизор. Комедия в пяти действиях. С приложениями / Вступит. статья И.А. Виноградова. Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Синергия, 1995а. С. 328–331. (Серия «Новая школьная библиотека»)

Виноградов И.А. «Дело, взятое из души» // Гоголь Н.В. Мертвые души. Поэма / Вступит. статья И.А. Виноградова; сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М.: Синергия, 1995б. С. 5–35. (Серия «Новая школьная библиотека»)

Виноградов И.А. Пьеро, Коломбина и Арлекин: К истории создания «Тараса Бульбы» и «Ревизора» Н.В. Гоголя // Русская литература. 1999. № 1. С. 36–44: lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/RusLiteratura/RL-1999-1.pdf

Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. К 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 448 с.

Виноградов И.А. От «Невского проспекта» до «Рима» // Гоголь Н.В. Петербургские повести / Вступит. статья, коммент. И.А. Виноградова. М.: Синергия, 2001а. С. 5–58.

Виноградов И.А. «Я брат твой». О повести Н. В. Гоголя «Шинель» // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр; Вып. 3. Сборник научных трудов. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001б. С. 214–239.

Виноградов И.А. Воспоминания о Н.В. Гоголе Н.И. Билевича в путевом дневнике С.П. Шевырева // Вестник Литературного ин-та имени А.М. Горького. 2007. № 1. С. 75–82: litinstitut.ru/sites/default/files/vestnik_li_2007_1.pdf

Виноградов И.А. От «Невского проспекта» до «Рима» // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. Т. 3–4. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009. С. 505–570.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2017а. № 3. С. 7–18.

Виноградов И.А. Блаженны миротворцы. От повести о двух Иванах к замыслу «Мертвых душ» (продолжение) // Вестник Моск. ун-та. Серия 9: Филология. 2017б. № 4. С. 51–67.

Виноградов И.А. Летопись жизни и творчества Н.В. Гоголя (1809–1852). С родословной летописью (1405–1808). Научное издание: В 7 т. М.: ИМЛИ РАН, 2017–2018.

Виноградов И.А. Монолог Гоголя в многоголосье «Женитьбы» // Проблемы исторической поэтики. 2018а. Т. 16. № 1. С. 66–102.

Виноградов И.А. «Огорченные люди» в творчестве Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. 2018б. Т. 16. № 4. С. 29–114.

Виноградов И.А. Славянофил-государственник. Гоголь в движениях эпохи // Два века русской классики. 2019а. Т. 1. № 2. С. 38–63.

Виноградов И.А. Феномен западничества в славянофильстве: взгляд Гоголя // Литературный факт. 2019б. № 2(12). С. 189–224.

Виноградов И.А. Эсхатология комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Проблемы исторической поэтики. 2019с. Т. 17. № 3. С. 68–90.

Виноградов И.А. «Лишние люди» русской литературы: новое в школьной теме // Stephanos. 2019d. № 3(35). С. 108–120.

Виноградов И.А. «Лишние люди» в русской литературе: слово Гоголя // Studia Litterarum. 2019е. Т. 4. № 3. С. 188–209.

Виноградов И.А. Послужной список Городничего в «Ревизоре». К характеристике политических взглядов Н.В. Гоголя // Литературный факт. 2020а. № 1(15). С. 237–282.

Виноградов И.А. Психологизм Н.В. Гоголя // Два века русской классики. 2020б. Т. 2. № 4. С. 6–73.

Виноградов И.А. Религиозный замысел комедии Н.В. Гоголя «Игроки» // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; отв. ред. М.И. Щербакова, В.Г. Андреева. М.: ИМЛИ РАН, 2020с. Вып. 2. С. 126–158.

Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и цензура. Взаимоотношения художника и власти как ключевая проблема гоголевского наследия. М.: ИМЛИ РАН, 2021а. 864 с.

Виноградов И.А. «Арабески» Н.В. Гоголя: единство проблематики и композиции цикла // Проблемы исторической поэтики. 2021б. Т. 19. № 4. С. 234–304.

Виноградов И.А. А.С. Хомяков и Н.В. Гоголь: проблема взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021с. № 1(4). С. 32–69.

Виноградов И.А. Учителство и проповедь в первой напечатанной повести Н.В. Гоголя («Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала», 1830) // Проблемы исторической поэтики. 2022а. Т. 20. № 1. С. 54–109.

Виноградов И.А. «Повесть моего авторства» Гоголя как полемика (продолжение «Выбренных мест из переписки с друзьями») // Stephanos. 2022б. № 2(52). С. 94–127.

Виноградов И.А. Немецкий романтик В.Г. Вакенродер и XX век: художественное предвидение Н.В. Гоголя // Литературный процесс в России XVIII–XIX вв. Светская и духовная словесность / Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; отв. ред. М.И. Щербакова, В.Г. Андреева. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 273–313.

Виноградов И.А. Поэтика сатиры Гоголя (авторская концепция и художественное воплощение) // Гоголь и вектор движения русской литературы. Двадцать первые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2022d. С. 42–49.

Виноградов И.А. Наследие Гоголя: методология и идеология изучения // Н.В. Гоголь и его творчество: спектр интерпретаций. Двадцать вторые Гоголевские чтения. М.; Новосибирск: Новосиб. изд. дом, 2023а. С. 16–26.

Виноградов И.А. Воспитание и образование в творческом наследии Н.В. Гоголя // Идеи отечественной педагогики, или Как воспитать «совершенного человека». Году педагога и наставника посвящается / Департамент образования и науки г. Москвы; «Московский Дом учителя»; отв. ред. Н.Г. Минько, сост. Л.А. Черниченко. М.; Череповец: ООО «Череповецкая Полиграфическая Компания», 2023b. С. 37–47.

Виноградов И.А. «Ревизор» Гоголя как комедия-трагедия. К проблеме жанра // Два века русской классики. 2024а. Т. 6. № 1. С. 74–101.

Виноградов И.А. Заметки Н.В. Гоголя «К 1-й части» «Мертвых душ»: проблемы поэтики и текстологии // Проблемы исторической поэтики. 2024b. Т. 22. № 3. С. 7–44.

Вишневская И.Л. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. 256 с.

<Вольф И.А.> Хроника Петербургских театров с конца 1826 до начала 1855 года. Составил А.И. Вольф. СПб.: Типография Р. Голике, 1877. Ч. 1. 190 с.; Ч. 2. 215 с.

<Габбе П.А.> Петр Г. б. е. О способности говорить и молчаливости // Московский Телеграф. 1825. № 21. Ноябрь. Прибавление. С. 419–422.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: <В 14 т.> <Л.>: АН СССР, 1937–1952.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 4 / Тексты и коммент. подготовили И.А. Зайцева, Ю.В. Манн. М.: Наука, 2003. 911 с.; Т. 3 / Тексты подготовила Л.В. Дерюгина; коммент. подготовили С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина. М.: Наука, 2009. 1016 с.; Т. 8 / Тексты и коммент. подготовили Н.Л. Виноградская, Е.Е. Дмитриева, И.А. Зайцева, Ю.В. Манн, А.С. Шолохова. М.: Наука, 2020. 830 с.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: в 17 т. (15 кн.) / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Гозепуд А. Музыкальный театр в России. От истоков до Глинки. Очерк. Л.: Гос. музыкальное изд-во, 1959. 783 с.

<Гофман Э.Т.А.> Жизнь трех друзей. Повесть Гоффмана. С Немецкого И. Безмк <И. Бессомыкин> // Московский Телеграф. 1832. Ч. 44. № 8. Апрель. С. 495–532; Ч. 45. № 9. С. 30–69.

<Гофман Э.Т.А.> Серапионовы братья. Собрание повестей и сказок. Сочинение Э.Т.А. Гоффмана. Перевод с Немецкого И. Бессомыкина. <В 8 ч.>. М.: Типография Н. Степанова, 1836. Ч. 2. 418 с.

<Гофман Э.Т.А.> Кот Мурр. Повесть в четырех частях. Сочинение Э.Т.А. Гоффмана. Перевод с немецкого Н. Кетчера. Изд. И. Песоцкий. СПб.: В типографии Конрада Вингера, 1840. Ч. 1. 192 с.; Ч. 2. 234 с.; Ч. 3. 289 с.; Ч. 4. 159 с.

<Гребенка Е.П.> Е.Г. Листок из записок несумасшедшего // Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду. 1835. Ч. 19. 6 июля. № 54. С. 425–426.

Гребенка Е. Верное лекарство. (Посвящается П.С. Лебедянцеву) // Отечественные Записки. 1840. Т. 8. Отд. 3. С. 2–29.

<Грибоедов А.С.> Горе от ума. Комедия в четырех действиях, в стихах. Сочинение Александра Сергеевича Грибоедова. М.: В Типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1833. 167 с.

Гриц Т.С. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества / Отв. ред. и сост. первой части (1788–1822) А.П. Клиничин. «Летопись» дополнили и снабдили справочным аппаратом Т.М. Ельницкая, А.П. Клиничин, Н. Г. Литвиненко, А.Я. Альтшуллер, Л.С. Данилова, И.А. Клецкая, Н.В. Королева, В.В. Сомина, М.Б. Рабинович; иконографию М.С. Щепкина собрал и описал Н.П. Пахомов; вступ. ст. В.Б. Шкловского / АН СССР; Ин-т истории искусств Мин. культуры СССР; Ин-т театра, музыки и кинематографии Мин. культуры СССР. М.: Наука, 1966. 881 с.

Гудзий Н.К. Николай Саввич Тихонравов. М.: Изд-во Моск. ун-та. 1956. 83 с.

Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959. 531 с.

Губарев И.М. Трагедия личности в повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // Актуальные проблемы литературы. Ростов н/Д: Ростовский-на-Дону гос. педагогический ин-т, 1971. С. 138–148.

<*Гурьянов И.Г.*> Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен известных наших Авторов, как то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, Барона Дельвига, Князя Вяземского, Федора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слепушкина, и многих других литераторов. Расположенный в отдельных частях для каждого предмета. Собранный И-м Гурьяновым. Ч. 7. М.: В Типографии Н. Степанова, 1835. 190 с.

<*Даль В.И.*> Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. <В 4 т.> СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880–1882. 727 + 807 + 576 + 704 с.

Данилевский А.А. «Записки сумасшедшего» и «Горе от ума»: проблема генезиса // Пограничные феномены культуры. Перевод. Диалог. Семиосфера. Таллин: Изд-во ТЛУ, 2011. С. 183–198.

Дельвиг А.И., барон. Мои воспоминания. Т. 1. М.: Издание Московского Публичного и Румянцевского музеев, 1912. 374 с.

Денисов В.Д. Примечания // Гоголь Н.В. Арабески / Изд. подготовил В.Д. Денисов. СПб.: Наука, 2009. С. 361–501.

Дерюгина Л.В. Скульптура, живопись и музыка. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / Тексты подгот. Л.В. Дерюгина; коммент. подгот. С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина. М.: Наука, 2009а. С. 504–524.

Дерюгина Л.В. Ключки из записок сумасшедшего. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. Т. 3: Арабески. Разные сочинения Н. Гоголя / тексты подгот. Л.В. Дерюгина; коммент. подгот. С.Г. Бочаров, Л.В. Дерюгина. М.: Наука, 2009б. С. 855–899.

Дилакторская О.Г. Художественный мир петербургских повестей Н.В. Гоголя // Гоголь Н.В. Петербургские повести / Изд. подготовила О.Г. Дилакторская. СПб.: Наука, 1995а. С. 207–257.

Дилакторская О.Г. Примечания // Гоголь Н.В. Петербургские повести / Изд. подготовила О.Г. Дилакторская. СПб.: Наука, 1995б. С. 258–295.

<*Димитрий Ростовский, свт.*> Книга житий святых. <В 4 т.>. Киев: Киевопечерская Лавра, 1764. <Т. 1>. На три месяца первья, еже есть: Септїмврїй, Октоврїй и Ноемврїй. 498 л.; <Т. 2>. На три месяца вторья, еже есть: Декемврїй, Іаннуарїй и Февруарїй. 567 л.; <Т. 3>. На три месяца третья, еже есть: Март, Априлїй и Маїй. 519 л.; <Т. 4>. На три месяца четвертья, еже есть: Іунїй, Іулїй и Август. 597 л.

Долгобородов А. Троица имен одного «безумца» (предпосылки именной структуры главного героя в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего») // Творчество Н.В. Гого-

ля: истоки, поэтика, контекст. Межвузовский сб. научных трудов. СПб: Изд-во РГГМИ, 1997. С. 19–25.

<Долдобанов Г.И., Макаров А.А.> Хроника жизни и творчества А.С. Пушкина. В 3 т. 1826–1837. Т. 1. Кн. 2. 1829–1830 / Сост. Г.И. Долдобанов, А.А. Макаров. М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. 488 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

<Драшусова Е.А.> Жизнь прожить не поле перейти. Записки неизвестной // Русский Вестник. 1881. Т. 155. №9. С. 117–157.

Ельницкая Л.М. «Некуда человеку пойти!» О «Записках сумасшедшего» и «Записках из подполья» // Н.В. Гоголь и его литературное окружение. Восьмые Гоголевские чтения. М.: АНО «Фестпартнер», 2009. С. 234–246.

Жидкова С.Л. Периодические издания из мемориальной библиотеки Тургенева в романе «Новь» // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. И.С. Тургенев и мировая литература. Вып. 2. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 83–94.

Зайонц Л.О. «Писал писачка, а имя ему собачка» (К происхождению субтекста в «Записках сумасшедшего» Гоголя) // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Ч. 2. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 357–376.

Захаров В.Н. Поэтика безумия у Пушкина, Гоголя, Достоевского (полемиические заметки) // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. №2. С. 92–106.

Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь в его религиозных исканиях. Глава четвертая // Христианская Мысль. 1916. №9. С. 39–55.

Зимица М.А. Нарративный аспект мотива безумия в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Диалог культур. Барнаул: БГПУ, 2004. С. 87–92.

Золотусский И.П. «Записки сумасшедшего» и «Северная пчела» // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35. №2. С. 144–154: feb-web.ru/feb/izvest/default.asp

Золотусский И.П. Поэзия прозы. Статьи о Гоголе. М.: Советский писатель, 1987. 240 с.

Иванов Г.В. Повесть Гоголя «Записки сумасшедшего». (Жанр. Сюжет. Помешательство и прозрение героя) // Вестник Ленинградского ун-та. 1979. №8. История. Язык. Литература. Вып. 2. Апрель. С. 47–54.

Изотова Е.В. О последней строке «Записок сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. 2008. №1(2). С. 57–61: [vestnik43.ru/1\(2\)-2008.pdf](http://vestnik43.ru/1(2)-2008.pdf)

Иоскевич О.А. На пути к «безумному» нарративу (безумие в русской прозе первой половины XIX в.): монография. Гродно: ГрГУ, 2009. 161 с.

Итальянская комедия // Сын Отечества. 1840. Т. 5. Кн. 1. С. 93–144.

Кабалова А.Д. О мотиве безумия в русской литературе первой половины XIX века: Н.В. Гоголь «Записки сумасшедшего» и А.И. Герцен «Доктор Крупов» // Миссия университетских округов в сохранении национальной культуры: Материалы восьмой международной научно-практической конференции университетских образовательных округов. СПб.; М.: Университетские образовательные округа, 2015. С. 155–159.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях / Подготовка текста и коммент. А.Ю. Сергеева // Лит. учеба. 1988. №4. С. 97–142.

Карл Ф. Россия и Европа: Национальные и гендерные аспекты в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Конструкты национальной идентичности в русской культуре XVIII–XIX веков. М.: РГГУ, 2010. С. 240–248.

Карнеев А.Д. Университетские чтения Н.С. Тихонравова в связи с его научно-литературными идеалами // Памяти Николая Саввича Тихонравова. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1894. С. 66–84.

Кёненен М. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя и европейский литературный дневник // Европа в России: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 142–161.

Козлов С.Л. К генезису «Записок сумасшедшего» // Пятые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 12–15.

Комарович В.Л. Записки сумасшедшего. <Комментарий> // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. <В 14 т.>. Т.3 / Тексты и коммент. подготовили И.Я. Айзеншток, В.Л. Комарович, Н.И. Мордовченко, Н.Л. Степанов, Б.М. Энгельгардт. <Л.>: АН СССР, 1938. С. 697–705.

Константинова Н.В. Специфика изображения героя-нарратора в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Нарративные традиции славянских литератур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени. Новосибирск: <Без изд.>, 2009а. С. 204–210.

Константинова Н.В. «Незаконченное письмо» в нарративных стратегиях Н.В. Гоголя и Ф.М. Достоевского // Поэтика финала. Новосибирск: <Без изд.>, 2009b. С. 167–171.

Косоруков А.А. «День был без числа»: Тайнопись в «Записках сумасшедшего» // Красная книга культуры. М.: Искусство, 1989. С. 202–213.

Кузнецов А.Н. Мотив знания в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Студенческие научные доклады. Литературоведение. Ч. 1 / Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова. Филологический факультет; под. ред. М.Л. Ремнёвой, В.И. Фатющенко. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1992. С. 36–43.

Кузнецов А.Н. Культурологическая аллюзия в «Записках сумасшедшего» Гоголя // Н.В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения: Сб. докладов. М.: Книжный дом «Университет», 2002. С. 82–96.

Лозинский Г.Л. Пушкин и Гоголь (следы «Евгения Онегина» в «Мертвых душах») // Пушкин. 1837–1937. Однодневная газета / Ред. проф. Н.К. Кульман. Париж: Изд. Комитета по устройству Дня Русской Культуры во Франции, <8 февр.> 1937. С. 5.

Лозинский Г.Л. Пушкин и Гоголь («Евгений Онегин» и «Мертвые души») // Трудный путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступит. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 134–137.

Лукин В.А. Имя собственное – ключ к использованию текста (анализ повести Гоголя «Записки сумасшедшего») // Русский язык в школе. 1996. № 1. С. 63–69.

Любимова Е.Н. Сервантес и Тургенев // Сервантес и всемирная литература. М.: Наука, 1969. С. 181–196.

Макогоненко Г.П. «Медный всадник» и «Записки сумасшедшего». (Из истории творческих отношений Гоголя и Пушкина) // Вопросы литературы. 1979. № 6. С. 91–125.

Макогоненко Г.П. Гоголь и Пушкин: Монография. Л.: Советский писатель. 1985. 352 с.

Маркович В.М. Петербургские повести Н.В. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.

Медведева Е.А. Принципы создания научной биографии Н.С. Тихонравова в книге Н.К. Гудзия в свете истории развития жанра // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т.153. Кн.2. С. 46–53: kpfu.ru/portal/docs/F_256921100/153_2_gum_5.pdf

<*Надеждин Н.И.*> *Н.Н.* Различие между Классической и Романтической Поезией, объясняемое из их происхождения // Атений. 1830а. № 1. С. 1–33.

<Надеждин Н.И.> Н.Н. О настоящем злоупотреблении и искажении Романтической Поезии. Отрывок // Вестник Европы. 1830б. № 1. С. 3–37; № 2. С. 122–151.

<Надеждин Н.И.> Издатель Телескопа и Молвы. Здравый смысл и Барон Брамбеус. (Статья III) // Телескоп. 1834. Т. 21. С. 317–335.

Надеждин <Н.И.> Европеизм и народность в отношении к русской словесности // Телескоп. 1836. Ч. 31. № 1. С. 5–60; № 2. С. 203–264.

Надеждин Н.И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика / Вступ. статья, сост. и коммент. Ю.В. Манна. М.: Художественная литература, 1972. С. 124–253.

Назирова Р.Г. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870–1890 гг. Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1980. С. 94–107.

Никитенко А.В. Дневник. В 3 т. / Подготовка текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1. <Без м. изд.>: ГИХЛ, 1955. 543 с.

Новейший Российский всеобщий песенник, или Собрание лучших старых и новейших песен, как то: Нежных, простонародных Малороссийских, пастушьих, святошных, любовных, театральных, хороводных, свадебных, военных, веселых, столовых, сатирических, Цыганских и других Российских песен. С картинками. Новое издание в двух частях / Изданием К.П. Вавилова. Ч. 1. М.: В Типографии Платона Бекетова, 1803. 292 с.

Новейший всеобщий и полный песенник, или Собрание всех употребительных, доселе известных новых и старых отборных песен лучших в сем роде Сочинителей, в шести частях. СПб.: В типографии И. Глазунова, 1819. Ч. 1. 267 с.; Ч. 5. 148 с.

Новости заграничные // Северная Пчела. 1834. 2 авг. № 173. С. 690–691.

<Новый Завет>. Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет, на славянском и русском языке / Изданием Российского Библейского Общества, Московского Отделения. Первым тиснением. М.: В Синодальной Типографии, 1822. 885 с.

Нумерация домов в Санктпетербурге, с алфавитными списками проспектам, улицам, площадям, набережным, мостам, Невским пристаням, городским выездам, Соборным и приходским церквам, Дворцам, монументам и владельцам домов. Составлено при Канцелярии Санктпетербургского Военного Генерал Губернатора. <СПб.: Без изд.>, 1836. 251 + 44 с.

Одиноков В.Г. Поэтические образы А.С.Пушкина в художественной памяти Н.В. Гоголя («Медный всадник» и «Записки сумасшедшего») // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 2. С. 29–33.

<Одоевский В.Ф., князь> в. в. й. Последний квартет Бетховена // Северные Цветы на 1831 год. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1830. <Отд. 1>. Проза. С. 101–119.

<Одоевский В.Ф., князь> в. в. й. Opere del cavaliere Giambattista Piranesi // Северные Цветы на 1832 год. СПб.: В Типографии Департамента Внешней Торговли, 1831 (цензурное разрешение 9 окт.). <Отд. 1>. Проза. С. 47–65.

<Одоевский В.Ф., князь>. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою... СПб.: В типографии Экспедиции Заготовления Государственным Бумагам, 1833. 158 с.

<Одоевский В.Ф., князь>. К.В.О. Сегелиель, или Дон-Кихот XIX столетия. Сказка для старых детей. (Отрывок из 1 части) // Сборник на 1838 год... СПб.: В Типографии А. Воейкова и Комп., 1838. С. 89–106.

Одоевский В.Ф. Музыкально-литературное наследие / Общ. ред., вступит. статья и примеч. Г.Б. Бернандта. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1956. 724 с.

П-в. Письмо из Курска в столицу // Северная Пчела. 1832. 5 марта. № 52. С. 1–3.

Паламарчук П.Г. Узор «Арабесок» // Гоголь Н.В. Арабески / Подготовка текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990а. С. 378–390.

Паламарчук П.Г. Примечания // Гоголь Н.В. Арабески / Подготовка текстов, послесл., примеч. П. Паламарчука; <художник> Ю. Селивёрстов. М.: Молодая гвардия, 1990б. С. 391–429.

<*Панаев В.И.*> Воспоминания В.И. Панаева // Вестник Европы. 1867. № 12. С. 72–181.

Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю.М. Лотмана; подготовка текста М.Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биографические справки и примеч. М.Г. Альтшуллера и Ю.М. Лотмана. Л.: Советский писатель, 1971. 912 с.

Пумпянский Л.В. О «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Методические разработки / Сост. В.Н. Невердинова. Таллин: Таллинский педагогический ин-т им. Э. Вильде, 1986. С. 110–126.

Пушкин А. Граф Нулин // Северные Цветы на 1828 год. СПб.: В Типографии Департамента Народного Просвещения, 1827. Поэзия. С. 3–18.

Пушкин А. Евгений Онегин. Глава IV и <глава> V. СПб.: В типографии Департамента Народного Просвещения, 1828. 93 с.

Пушкин А.С. Анджео // Новоселье. СПб.: В Типографии А. Плюшара, 1834. <Ч. 2>. С. 49–80.

Пушкин А. Медный Всадник, петербургская повесть. (1833) // Современник. 1837а. Т. 5. С. 1–21.

Пушкин А. Сцены из рыцарских времен // Современник. 1837б. Т. 5. С. 193–224.

<*Пушкин А.С.*> Сочинения Александра Пушкина. <В 11 т.>. Т. 9. СПб.: В типографии И. Глазунова и К^о, 1841. 480 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. (20 кн.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

Ревзина О.Г. Язык и текст: монография. М.: МАКС Пресс, 2020. 560 с.

<*Ровинский Д.А.*> Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский. Кн. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881. 531 с.

Русский Театр // Северная Пчела. 1833. 20 окт. № 238. С. 949–951.

Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии: монография. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 332 с.

Сакулин П. В поисках научной методологии // Голос минувшего. 1919. № 1–4. С. 5–37.

Светлакова О.А. Сервантесовский слой смыслов в гоголевских «Записках сумасшедшего» // Культурный палимпсест. Сб. статей к 60-летию В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2011. С. 425–435.

Сикорский И.А. Изображение душевно-больных в творчестве Гоголя // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца, под ред. Н.П. Дашкевича. (Чтения в Историческом Обществе Нестора-Летописца. Кн. XVI.) Киев: Тип<ография> Р.К. Лубковского, 1902 <1903>. Отд. 2. С. 425–430.

Синицкая <Александрова> С.В. Тригей, Арлекин, Бонардин, Поприщин, или Театральный комментарий к «Запискам сумасшедшего» // Театрон. 2010. № 1(5). С. 70–81: www.rgisi.ru/elektronnyij-argiv-nomerov?page=3

Слюсарь А.А. О жанровых особенностях «Записок сумасшедшего» // Вопросы русской литературы. Республиканский межведомственный научный сборник. Львов: Изд-во при Львовском гос. ун-те издательского объединения «Вища школа», 1987. Вып. 1(49). С. 68–76.

Смесь // Северная Пчела. 1834. 29 авг. № 194. С. 775.

<Тархова Н.А.> Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4 т. Т. 3. 1829–1832 / Сост. Н.А. Тархова. М.: Слово, 1999. 624 с.

Тихонравов Н.С. Примечания редактора и варианты // <Гоголь Н.В.> Соч. Н.В. Гоголя: В 7 т. Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Н. Тихонравовым. 10-е изд. Т. 5. М.: Издание книжн<ого> маг<азина> В. Думнова, под фирмою «Наследники бр. Салаевых», 1889. С. 541–682.

Турьян М.А. Странная моя судьба. О жизни Владимира Федоровича Одоевского. М.: Книга, 1991. 400 с.

Указатель жилищ и зданий в Санктпетербурге, или Адресная книга, с планом и таблицею пожарных сигналов. Издал С. Аллер. На 1823 год. СПб.: В Типографии Департамента народного просвещения, 1822. 663 с.

Фаустов А.А. «Итальянский» след в гоголевских «Записках сумасшедшего» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. 2009. Вып. 28–29. С. 46–58: www.science.vsu.ru/resources/phyllolog_zap/fz28_29.pdf

<Феодор (Бухарев А.М.), архимандрит>. Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб.: В Типографии Морского Министерства, 1861. 262 с.

Фридлиндер Г.М. Вопросы реализма в творчестве Гоголя 30-х годов // Проблемы реализма русской литературы XIX века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 45–75.

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. (Нью-Йорк). 1951. № 27. С. 126–158: newreviewinc.com/pdf/1951/27.pdf

Чудаков Г.И. Отношение творчества Н.В. Гоголя к западноевропейским литературам // Университетские Известия. 1908. № 8. С. 101–126.

Шевырев С. Миргород. Повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки, Н. Гоголя. Санктпетербург. 1835. 2 части. I. 224 стран. II. 215 // Московский Наблюдатель. 1835. Март. Кн. 2. С. 396–411.

<Шиллер Ф., фон>. Дон Карлов, Инфант Испании. Драматическое стихотворение Фридриха Шиллера. Перевод М. Лихонина. 1828. М.: В Типографии С. Селивановского, 1833. 386 с.

Шульц С. «Записки сумасшедшего» Гоголя и «Записки сумасшедшего» Л. Толстого: топика и нарратив // Гоголеведческие студии. Нежин, 2001. Вып. 7. С. 55–70.

Шульц С.А. «Записки сумасшедшего»: топика и нарратив // Slavica Tergestina. 10. Литературоведение XXI века. Письмо – текст – культура. Trieste: Printed in Italy, 2002. С. 107–121.

Я.А. <криптоним>. Убийственная встреча. Повесть Я.А. СПб.: В Типографии Артиллерийского Департамента Военного Министерства, 1836. 114 с.

Яковлев В.В. Художественное своеобразие повести Гоголя «Записки сумасшедшего» // Тезисы докладов вторых Гоголевских чтений, посвященных 175-летию со дня рождения писателя. Полтава: гос. пед. ин-т им. В.Г. Короленко, 1984. С. 93–94.

Яковлев В.В. Эволюция героя и авторская позиция в повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» // Современные проблемы метода, жанра и поэтики русской литературы. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т им. О.В. Куусинена, 1991. С. 89–94.

Яновский Н.<М.> Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и Технические термины, значение которых не всякому известно... <В 3 ч.> СПб.: при Имп. Академии Наук, 1803. Ч. 1. 868 стб.; 1804. Ч. 2. 964 стб.; 1806. Ч. 3. 1322 стб.

Stender-Petersen A. Gogol und die deutsche Romantik // Euphorion. Zeitschrift für Literaturgeschichte. 1922. Bd. 24. H. 3. S. 632–641.

Сведения об авторе

Игорь Алексеевич Виноградов,
доктор филол. наук
главный научный сотрудник
Институт мировой литературы
имени А.М. Горького РАН

Igor A. Vinogradov,
Doctor of Philology
Chief Investigator
A.M. Gorky Institute of World Literature
RAS

info@imli.ru